

ДМИТРИЙ ЕМЕЦ

МЕФРОДИЙ БУСЛАЕВ™

ОЖЕРЕЛЬЕ ДРИАДЫ

ХУЛИГАНСКОЕ ФЭНТЕЗИ!

Мефодий Буслаев

Дмитрий Емец
Ожерелье Дриады

«Емец Д. А.»

2009

Емец Д. А.

Ожерелье Дриады / Д. А. Емец — «Емец Д. А.»,
2009 — (Мефодий Буслаев)

Лигул умеет мстить за неудачи – Арей отстранен от управления русским отделом мрака и находится в бегах. У него сейчас один шанс уцелеть: отыскать карту Хаоса, похищенную из канцелярии Тартара. Если у мечника появится перед мраком хотя бы маленькая заслуга, Лигулу не просто будет его уничтожить. Но это не единственная проблема Арея. Оказывается, жива его дочь, и какую сторону она выберет – мрак или свет, – никому не известно. Такой же выбор стоит перед Мефодием. Генеральный страж света Троил велел стереть ему память, чтобы его эйдос определился. И теперь Меф не помнит ни свою любовь к Даф, ни службу мраку...

© Емец Д. А., 2009

© Емец Д. А., 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	34
Глава 4	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Мефодий Буслаев

Ожерелье Дриады

Не только человек, каждая вещь, которой назначено место в бытии, стремится реализоваться. Когда не даешь вещи реализоваться, она мстит. Долго не ездил на машине – не заводится. Не режешь кухонным ножом – ржавеет гораздо раньше своего активно используемого собрата. Пока ты бежишь, ты жив! Пока барахтаешься – держишься на воде. Нет состояния покоя – есть состояние или активного действия, или не менее активной деградации.

В жизни каждого человека есть своя мучительная сверхзадача. Болезненная, страшная, сидящая как заноза. Барьер, который нужно перескочить с наскока или медленно и с усилием переползти, бесконечно срываясь. Самое странное, что остальным твой барьер совсем не кажется непреодолимым. Так, заборчик по колено. Он-то, другой, перешагнет его, не задумываясь, но сам после споткнется на ровном месте и сравняет нос с лицом. Потому что там будет его барьер.

Книга Света

Глава 1

Техпаспорт на ребенка

Скука – это игрушка для тех, для кого все дома на одно лицо, все кошки одинаковы, все книги похожи и все люди – замаскированные сволочи.

Йозеф Эметс, венгерский философ

Как-то в субботу, перед сменой в «Звездном пельмене», Дафна и Мефодий отправились на блошинный рынок в Измайлово – не столько блох посмотреть, сколько себя показать.

Нижнюю, попсовую часть рынка, с буденовками, матрешками, биноклями и чебуреками, где пожилые японские и немецкие туристы, демонстрируя в непрерывных улыбках керамические чудеса стоматологии, отоваривались фляжками с военной атрибутикой и танковыми шлемофонами, они проскочили не задерживаясь. Поднялись по скрипучей лестнице между двумя медвежьими чучелами и оказались наверху, на деревянных мостках.

Промелькнули медные котлы, железные советские игрушки, таблички с прежними названиями улиц, ордена и марки. У Мефа капканом сработало хапужничество, и он с ходу купил новую солдатскую каску в промасленной бумаге и списанный, но тоже абсолютно новый противогаз, бывший до того на консервации. Немедленно надел его, привинтил снизу железную хрюкалку и, откинув назад тяжелый хвост волос, пошел по рядам. На него почти не смотрели. Чудаков здесь хватало.

Даф терпеливо шла за ним и помахивала Депресняком, которого несла как сумку – за ручку,вшитую сверху в комбинезон. Это был оптимальный способ не нарываться на его когти слишком часто. И так уже в ней многие внимательные люди мгновенно опознавали кошатницу по куче мелких царапин на наружной стороне ладони.

Дафна с удовольствием посмотрела бы старинные книги и пожелтевшие фотографии, с которых глядели цельные в своей серьезности лица. Мужчины в кителях, дети в матросках, женщины в шالях, старики с резными палками, шедшие к фотографу с торжественной ответственностью перед потомками. Вот только рассматривать их хотелось долго, без спешки, раз-

мышляя о каждом лице, – Меф же несясь вперед как курьерский поезд и разве что гудка не давал.

Возле одного прилавка Буслаев остановился, восторженно промышчал что-то сквозь противогаз и схватил очень реалистичную, но явно муляжную винтовку.

– Сдержись! Тебя с ней в метро не пустят! – успокаивающе заметила Дафна.

– Му-муммм-мму! – таинственно ответил Меф, щелкая затвором и в поисках, куда направить дуло, целясь в молодого продавца.

Продавец, радостный, красный и диатезный, точно его с двух лет кормили только помидорами и поили исключительно томатным соком, узрел в Мефе родственную душу. Он встал, разгладил пузырящиеся на коленях джинсы и, шмыгнув носом, деловито сказал: «Жди! Я – ща!» Нырнул под прилавок и спустя три секунды возник с германским ручным пулеметом «МГ-34».

Мефа пулемет впечатлил.

– Мым! – прогудел он сквозь противогаз и дернул стволом, будто стреляет.

– Бдздысь! Бдздысь! Джу-джу-джу! – приветливо отозвался продавец, проводя дулом «МГ-34» справа налево и вместе с Мефом явно перерубая очередь и Дафну.

Даф вздохнула. Она поняла, что это надолго. У помидорного парня и Мефа установилось полное мужское взаимопонимание того градуса сердечного единения, когда всякие девушки становятся лишними.

– Я скоро! – пообещала она и отошла к соседнему прилавку, где среди парусников в бутылках, оленьих рогов и железнодорожных подстаканников поблескивали крашеным фарфором нравившиеся Дафне фигурки охотничьих собак.

Рядом с фигурками лежал залакированный кусок дубовой коры, из тех, что вешают порой в коридоре в память о существующей где-то природе. Даф рассеянно коснулась его, сама толком не зная, зачем это сделала, и в тот же миг услышала женский голос, резкий, как звук дисковой пилы:

– Дафна? Страж света номер нолик в середине?

– Нолик в середине – это я, – осторожно признала Дафна, озираясь и пытаясь понять, кто с ней разговаривает.

Надо отдать ей должное, сумасшедшей она себя не сочла. Даже когда в древесной коре прорезался рот. Рот был узкий, деловой, окруженный мелкими морщинами, похожими на трещины.

– Уф! Ну наконец! Уже час пытаюсь с тобой поговорить! И туда дергаюсь, и сюда, а ничего дружественного поблизости нет!.. – с негодованием продолжал голос.

– Ничего дружественного? – вежливо повторила Даф, используя старенький фокус, известный всем студентам: не знаешь, что сказать, повторяй за преподавателем.

– А ты как хотела?! Не через сосновые же доски мне с тобой лялкать! Да сосна меня и не послушает! Она у нас дама важная! – едко передразнил голос. – А если через березу – им все хиханьки-хаханьки, сережки и порхание мотыльков! Другое дело: дуб. Старикан ко мне нормально относится. Ну все, идем! Возьми меня и неси!

Даф с тревогой взглянула на торговку. Та грустно гладила чучело крокодила и на нее даже не смотрела.

– Да не заметит она! А заметит – так флейта тебе на что? Бери и топай! Думаешь, она сама этот дуб вырастила? – поторопил рот.

– Даже и не подумаю! – отказалась Дафна.

Она не хотела становиться клептоманкой, которой булочка в магазине сказала: «Съешь меня!», чужой телефон: «Я хочу у тебя жить!», а серебряные часики: «Нам страшно! Мама, положи нас в карман!» Это только кажется, что скатываться можно медленно и со вкусом,

любуюсь окрестностями. Это назад карабкаешься медленно. Скатываешься же всегда в одно мгновение.

– Что, честность зачесалась? Ну тогда дай ей что-нибудь! Только быстрее, не тяни! Что ты двигаешься, как сонная муха? – раздраженно велел кусок коры.

– От говорящего полена слышу! – не сдержалась Дафна.

– Сама полено! Я репейная дриада! – с обидой сказал голос.

– Разве у репейника может быть дриада? Репейник не дерево! – усомнилась Даф.

Дриада многозначительно промолчала, и Дафна поняла, что прежде чем что-то ляпнуть, полезно все же подумать.

– Простите, – сказала она. – Вам, конечно, лучше знать.

– Прощаю!.. – сухо произнесла дриада. – Возможно, у деревьев дриады и поважнее, зато у меня есть кое-что, чего нет у них!.. А кто будет вертеть носом – тому вправлю сопелку! А теперь бери кору, и ать-два! Где я тут еще найду тебе дуб? Тут все сплошь – сосна да осина! Черновая доска!

Дафна попыталась узнать цену. Торговка с сожалением отложила крокодила и, заявив, что она тут первый день и цен не знает, стала перелистывать тетрадь, оставленную хозяином.

– Парусник в бутылке 0,6... Яхта в бутылке 0,2... Тетка без башки... дед с зонтом пьет какую-то бодягу... пацанчик в панаме нюхает цветок... – бормотала она, скользя пальцем по строкам. – Во – есть! Красное дерево!

Тут же была названа цена, совершенно астрономическая. Примерно столько Даф получала в «Пельмене» за месяц работы.

– Это дуб! – уверенно повторила Даф.

– Откуда знаешь?

– Мне сама деревяшка сказала!

– Тебе деревяшка, а мне хозяин! – заупрямилась продавщица.

Только после умягчающей маголодии она согласилась набрать номер и выяснила, что «красное дерево» – это фигурка скаковой лошади. Нужный же Дафне кусок коры обозначался хозяином просто как «всякая фигня» и цену имел доступную.

Расплатившись, Дафна взяла кору.

– Могла бы, между прочим, не сквалыжничать! Что, дуб дешевле красного дерева? Знавала я их дриаду! Наглая особа! Только о себе и думает! Не хочу сказать: хамка и сплетница, но та еще свиномордия! – разворчался рот.

«Значит, свиномордия», – мысленно повторила Даф, взяв это на заметку. Одна из инструкций стражам, отправляющимся в человеческий мир, гласит: «Умей слушать! Все, что человек, как ему кажется, говорит о других, – он на самом деле говорит о себе». Вот только относится ли это, интересно, к дриадам?

– Куда идти? – спросила Даф, проверяя глазами, где сейчас Меф. Оказалось, он все еще у оружейных муляжей.

Репейная дриада уже распоряжалась. Почти сразу Дафне велено было свернуть в закуток между двумя смыкающимися прилавками, где громоздились картонные ящики. Проход туда был узким. Сквозь сетку соседствующей проволоочной витрины на Дафну смотрел глубоководный скафандр.

– Ну вот! Теперь можно! – удовлетворенно произнес рот. – Теперь брось меня!

– В каком смысле? – не поняла Даф.

– В самом идиотском! Ну!

Дафна разжала пальцы. Там, где упала кора, возникла невысокая, крайне решительная дамочка. Нос у нее был длинный, со свешивающейся с кончика прозрачной, то и дело обновлявшейся каплей. Где шлепалась капля, тотчас прорастал маленький колючий побег. Волосы – темные, жесткие и торчащие, со впутавшимся репейником. Лицо – красноватое, с крупными

чертами, такое же резкое, как и голос, и вдобавок покрытое мелкими чешуйками. Когда на него упал свет, Даф сообразила, что это молодая кора. На шее у дриады играло солнцем ожерелье из крупных, зеленоватых бусин.

Пока Даф разглядывала ее, дриада втянула носом воздух и передернулась.

– Кто-то продает тут мятую! Шагов триста в ту сторону! Руки б поотрывала! – пробормотала она вполголоса.

– Вы что-то сказали? – переспросила Даф.

– Ничего!.. Я могу остаться здесь только две-три минуты! Так что давай сразу поставим черточку над **й**, точку над **і** и двоеточие над **е**! Я сама по себе. Не свет и не мрак! Даром услуг не оказываю! – сухо и быстро сказала дриада.

И, точно намекая на что-то, дриада провела пальцами по своему ожерелью. Дафна намека не поняла.

– И как у нас дела? Сильно болит? – тоном недоучившегося медика продолжала дриада.

– Что болит? – не поняла Дафна.

– А ты не знаешь, что у тебя болит?

Даф покачала головой. Дриада недоверчиво взглядела в нее и с досадой поморщилась:

– А, ну да! Я опять опередила события!..

– Какие?

– А вот это неважно! Ничего: скоро ты ко мне прибежишь, но имей в виду: мне не нужны ни твои крылья, ни твоя флейта! Оставь их себе!

Дафна посмотрела на нее с беспокойством. Ничего себе заявочка: ей позволили оставить флейту! Тем временем дриада обошла вокруг Даф, бесцеремонно ее разглядывая. Потом протянула руку и потрогала волосы.

– Свои? – спросила она.

– Свои.

– Уверена, что не парик? А чего они все время порхают?

– Да так вот! – машинально сказала Даф.

– Можешь не оправдываться, – заявила дриада, хотя никто и не оправдывался. – Мне нравится. Значит, так, за свои услуги я беру: а) твои волосы; б) твою красоту!

Дафне назойливо захотелось покрутить пальцем у виска.

– И как, интересно, вы это сделаете?

Сердитая дамочка вновь коснулась ее волос. Заметно было, что они ей нравятся.

– Это моя забота – как! Все, что можно отдать, – можно и взять. Спорю на двести колючек, что ты согласишься. Ну если, конечно, красота для тебя не дороже жизни. Всякое случается в нашем лягушатнике!

Дафне стало не по себе.

– Что-то я вас не понимаю! – сказала она жалобно.

– Скоро поймешь! И не зли меня! Слышишь? И надуть меня не пытайся! А то к красоте и волосам я попрошу чего-нибудь еще! – с угрозой произнесла дриада и, опустив глаза вниз, внезапно завопила: – А-а-а! Убери его немедленно! Это чудовище по мне ползет!

От неожиданного вопля Даф отпрянула, после чего обнаружила, что речь идет о ее коте. Депресняк, давно задумчиво присматривающийся к дриаде, внезапно вцепился в нее когтями и, точно по стволу дерева, стал деловито карабкаться вверх, к волосам, растрепанным как воронье гнездо. Сложно сказать, что ему померещилось. Может, надеялся найти там птенцов?

Растерявшаяся Дафна некстати дернула за вшитую в комбинезон ручку, но получилось только хуже. Вместо того чтобы втянуть когти, Депресняк на всю глубину запустил их в лицо и волосы дриады. Всклооченная дамочка зашипела от боли, замахала руками. Очередная капля с ее носа описала полукруг и проросла на шиферной крыше торгового ряда.

– Теперь ты вообще ничего не получишь! Ни одной бусины! Искать меня будешь и не найдешь! Слышишь? Ты покойница! Уяснила: покойница! – мстительно завопила дриада.

Лицо у нее было разодрано, однако вместо крови из ран сочился вязкий сок. Сорвав Депресняка, она отшвырнула его от себя, топнула ногой и исчезла. Кот прихрамывал, но вид имел довольный. Когда животное пребывает в такой степени убежденности в своей правоте, его даже ругать невозможно. Дафна погрозила ему кулаком и отвернулась.

«Сумасшедшая. Не все дома! Ну или, во всяком случае, многие отлучились!» – подумала Даф и, вспоминая безумные глаза дриады, боком выбралась из закутка. Мятые самовары смотрели на нее блестящими боками. В одном из самоваров Дафна увидела лицо в противогазе и каске.

– Ну что, купил ружбайку? – поспешно спросила она, оборачиваясь к Мефу.

Если не хочешь отвечать на чужие вопросы – задавай свои.

– Не-а, наигрался. Мне даже каска надоела. Обратно ведь не примут? – ответил Буслаев с сожалением.

Он вечно себя на этом ловил: чем с большим нетерпением схватишь какую-то штуковину, тем ненужнее она после окажется. Синдром бумажного языка, купленного в цирке, с которым уже в метро ощущаешь себя жгучим идиотом.

– Это радует. Значит, ты не безнадежен, – рассеянно одобрила Даф.

Она только что сообразила, что оставила кору дуба валяться в закутке, но возвращаться не стала. Ей и так ясно было, что дриада не скоро захочет с ней увидеться.

* * *

Около одиннадцати вечера Корнелий заглянул на кухню. В коварной душе его обрелось намерение утащить из холодильника колбасу. За столом он увидел Улиту и Эссиорха. Их головы почти соприкасались. Палец Улиты задумчиво скользил по полировке, растягивая и вновь собирая большую каплю воды. О чем они говорили, было непонятно, однако остального мира для них явно не существовало. Он был задвинут на задворки вселенной и тихо пылился там вместе со всякими ненужными вещами.

Другой бы на месте связного света молча удалился, однако в данном конкретном случае на месте Корнелия был именно Корнелий.

– Ага! Попались! Встать! Руки за голову! Проверка документов! – заорал он.

На Корнелия вскинулись сразу две пары раздосадованных глаз. Выключенный чайник на плите закипел сам собой. Корнелий забеспокоился.

– Эй! Это шутка была! Что вы на меня уставились, как злобные сычи на дохлую лошадку? – спросил он тревожно.

– Сычи лошадок не едят, – сказал Эссиорх.

– Чего, так плохо? Хотя тебе лучше знать!.. Что у вас тут? Бунт зверушек? Моська в сговоре со слоном дают Крылову тему для новой басни?

Улита напряглась. Существовал целый ряд животных, домашних и диких, упоминаний о которых она не переносила.

– И кто тут слон? – поинтересовалась она подчеркнуто спокойно.

Чайник на плите выкипел и намертво приварился к решетке.

– Разве непонятно? Эссиорх! У, хобот слонячий, отвернись от меня! – поспешно нашелся Корнелий.

Сравнение с моськой Улиту более-менее устроило. Эссиорх же из себя выходил долго. Во всяком случае, Корнелий научился улавливать момент, когда надо улепетывать.

– Ты никогда не задумывался, что люди могут иметь право на свободу от твоего присутствия? – спросил Эссиорх.

Корнелий озадачился. Об этом он действительно размышлял редко. Окружающий мир для него был корнелиецентричен. Он выключался, когда связной закрывал глаза, и послушно ждал его пробуждения. Даже солнце и то переставало светить, когда Корнелий на него не смотрел.

Корнелию захотелось брякнуть, что людей он тут не видит, а видит одного хранителя и одну ведьму, но в этот момент дверной звонок решительно произнес: «ДЗВИААК! ЧИУ-ЧИУ!»

«Чиу-чиу!» являлось началом мелодии, которая должна была играть, но вечно куда-то западала. Эссиорх покорно встал, всхлипнув расшатанной табуреткой, и отправился открывать. На площадке стоял мужчина в светлом льняном пиджаке. Круглое, циркулем вычерченное лицо с двумя ямками на щеках. Брови – короткие щетки.

– Привет, Ратувог! – с удивлением поздоровался Эссиорх.

Ратувог молча сунул ему твердую ладонь. Руку всегда стискивал так, словно предполагал у того, с кем здоровался, наличие многих лишних костей. Хотя Эссиорх был, по-моему, единственным, кому это нравилось.

– Проходи! – пригласил Эссиорх, посторонившись.

Ратувог проходить отказался, но в коридор все же продвинулся и тотчас закупорил его. Он был вовсе не громоздким и не особенно мускулистым, но везде, где он оказывался, сразу становилось тесно.

– Я по делу! – сказал он.

Эссиорху это и так было ясно.

– В общем, тема такая, – решительно продолжал Ратувог. – Есть девочка, сирота. Три с половиной года. Родители погибли в аварии. В опеке у дяди и тети. Девчонка нервная, часто плачет, заходится. Тетка и муж ее успокаивают: хлещут ее чем попало – мокрым полотенцем, ремнем. В последнее время стали еще и сигаретами прижигать.

У Эссиорха расширились ноздри.

– Чем-чем прижигают? – переспросил он.

– Ты не ослышался, – сухо подтвердил Ратувог.

Эссиорх уже обувался, терпеливо шнуруя высокие ботинки.

– А тебе самому нельзя? – поинтересовался он.

Ратувог пошел пятнами.

– Видишь, тут какая штука. У меня запрет на насилие под угрозой потери крыльев! Я нарушал его дважды. Это будет последний, – выдавил он.

– Мне кажется, Троил бы понял, – заметил Эссиорх.

– Он уже два раза понимал. Нельзя же бесконечно! А когда кто-то мучает детей, меня капитально срывает. Я боюсь, что с этими двумя уродами могу наломать дров, – сказал Ратувог.

– А я спокойный? – спросил Эссиорх.

– Ну, ты хотя бы притворяешься, – утешил его Ратувог.

Подпрыгнув, Эссиорх ладонью сбил с высокой вешалки мотоциклетный шлем и поймал его у самого пола. Движение было отработанным. Кожаную куртку он захватил с собой.

– Ясно, – кивнул Эссиорх. – Адрес помнишь?

– Коровинское шоссе. Сразу после развилки с Дмитровкой второй дом. Квартиру скажу, как только вспомню.

– А вспомнишь-то скоро?

– Уже на подходе. Вот тут вертится, – сказал Ратувог и пальцем ткнул себя в центр лба.

– Ты куда? Уходишь, что ли? – завопил из кухни Корнелий.

Эссиорх быстро поднес к губам палец, торопливо выскользнул из квартиры и прикрыл дверь.

– Ты его с собой не берешь? – спросил Ратувог.

– Я человек мирный. Мне не нравятся боевые вопли, пальба маголодиями по стоп-сигналам подрезающих нас таксистов и крики «на шесть и по хлопку!», адресованные всякой выпивающей компании, – пояснил Эссиорх.

Ратувог с интересом наблюдал, как он отковысывает мотоцикл от липы и откатывает его. Когда Эссиорх завел мотоцикл, инструктор боевых маголодий присел и с интересом понюхал дергавшуюся выхлопную трубу, из которой вместе с дымом вылетали непереваренные капельки бензина.

– Занятный способ перемещения, – сказал он, улыбаясь.

Эссиорх позволил мотоциклу прогреться, включил фару и энергично повернул ручку газа.

– Я сообщу тебе, как все получилось, – пообещал он. – Пока!

Ратувог молча махнул ему рукой. «Пока!» и «Привет!» были для него словами абстрактными, не несущими никакого содержания, кроме эмоционального. Эмоциям же Ратувог не доверял.

– Третий этаж слева! – крикнул он вслед.

Дороги были полупустыми, светофоры дружелюбно зеленеющими, и до Коровинского шоссе Эссиорх добрался минут за двадцать. По дороге он даже успел сделать один телефонный звонок.

Нужный дом он нашел сразу. Поднялся, отыскал квартиру и, не услышав отзвука после нажатия на кнопку звонка, энергично постучал. Грузные шаги. Сопение. Чувствуя, что кто-то смотрит в глазок, Эссиорх нетерпеливо подбросил мотоциклетный шлем, яркий, как апельсин.

– Ну! Открывать будем?

– Чего надо? – спросили у него хмуро.

– Разговор есть! – ответил Эссиорх, ощущая себя мелким бандитом.

– Так говори! – настороженно ответили ему с той стороны, но дверь все же открыли.

Вход в квартиру загромождал огромный молодой мужик с мятым лицом. По центру груди сбегала узкая струйка влажных волос. Пузо его, колтыхаясь, занимало весь дверной проем.

– А ты кто? – поинтересовался он, напирая пузом на Эссиорха.

Кто он такой, Эссиорх пояснять не стал. Информация была явно лишней.

– Девочку бьешь? Сигаретой прижигает? – спросил он.

Он мог бы не спрашивать. Ему достаточно было взгляда, чтобы определить правду. В конце концов, он был хранитель. Это человек видит только поверхность океана и лишь догадывается о том, что лежит ниже. Хранитель же видит и толщу, и дно, и то, что на дне.

Маленькие глазки мужика засверлили тревогой. После этого его внезапно замкнуло, и он задал самый банальный из всех мужских вопросов, свидетельствующих обычно о полном отключении головного мозга:

– Слышь, парень, ты вообще знаешь, кто я?

Эссиорх не знал, но догадывался.

– Редкостная дрянь! – предположил он.

Озадаченный мужик сделал шаг вперед. Лицо его медленно сизело. Глазки налились носорожьим гневом. Эссиорх представил себе перезрелый помидор, вот-вот готовый брызнуть соком.

– Да кто ты такой? – прохрипел мужик.

– Все равно не поверишь! – ответил ему хранитель. – Я – добро.

Пузо озадачилось.

– Че ты мелешь? Какое еще добро? Абсолютное? – спросило оно, демонстрируя некоторую начитанность.

– Увы, не абсолютное, – грустно признал Эссиорх.

Он дождался, пока мужик грузно замахнется. Легко уклонился и пропустил прямой удар мимо скулы. В следующую секунду его левый кулак врезался мужику в печень. Тот осел вперед ровно настолько, сколько это требовалось, чтобы Эссиорх поймал апперкотом его подбородок. Тяжелая голова мотнулась вверх. Глаза стали бараньими. Тело мягко осело на руки Эссиорху. Хранитель подхватил его под мышки и аккуратно опустил на пол.

– Никаких маголодий! Одна голая физкультура, – сказал он себе вполголоса.

Напуганную девочку он отыскал сразу. Должно быть, возня в коридоре разбудила ее, и она вылезла из кровати. Она пряталась за журнальным столом, не понимая, что из-под стола видны ее ноги.

Эссиорх обошел стол сбоку, присел на корточки и поинтересовался:

– Как дела?

Девочка смотрела на него затравленным зверьком. Дрожала. Волосы у нее были русые. Бровки чуть вздергивались вверх. В мочке правого уха – красная сережка-бусина.

Мягко, чтобы не напугать, выудив ее из-за стола, Эссиорх осмотрел ребенка и обнаружил семнадцать мелких ожогов-крапин, которые ни с чем нельзя было спутать. Они до конца не исчезали, только багровели и углублялись в кожу, а следы должны были остаться на всю жизнь. Большинство из них на ногах.

За его спиной послышался шорох. Эссиорх обернулся. Кто-то заглянул в комнату и метнулся назад. Девочка, заметив того, кто заглянул, дернулась. Глаза у нее сразу стали бессмысленно-затравленными.

Посадив ребенка на стул, Эссиорх выскочил в коридор и, догнав худощавую женщину, помешал ей запереться на кухне. Женщина откидывалась назад и пыталась боднуть его затылком в лицо.

– Кто вы такой? Уходите немедленно! Я вызову милицию! – визжала она, беспорядочно нажимая на кнопки радиотелефона.

Эссиорх не препятствовал.

– Я пришел забрать ребенка. А милицию вызывайте! Я покажу им девочку. Давайте я сам наберу!.. – предложил он.

Женщина отшатнулась к стене. Недоверчиво прижала трубку к уху. Ждала. Ждал и Эссиорх.

– Дежурный по отделению Резниченко! – запрыгал упругими мячиками бодрый голос. Не дождался ответа и нетерпеливо возвысился: – Алло? Вас слушают! Будем в молчанку играть?

Эссиорх спокойно ждал. Продолжая испытующе смотреть на него, женщина зачерпнула ртом воздух, но вместо призыва о помощи внезапно дала отбой.

– Вы не понимаете! Она очень нервная! Больная! С ней по-другому нельзя! Она тупая, не понимает! – крикнула она.

Эссиорху девочка тупой не показалась. Скорее, вконец запуганной.

– Ожоги, – произнес он.

– Это не я! Я просила его успокоиться! – взвизгнула женщина.

Эссиорх заглянул ей в глаза и понял, что она врет, причем не только ему, но и себе. Эта молодая женщина целиком была во власти мрака. Ее эйдос, вроде бы пока и не проданный, был окружен им точно вязким тестом. Ни один луч не смог бы сейчас к нему пробиться.

– Значит, плохо просили, – сказал он устало, заранее зная, что его не услышат. – Иногда человек как будто говорит правильные слова, но на самом деле науськивает. Порой и «люблю» можно произнести так, что тебя выбросят в окно... Ну все, пошли!

– Куда?

– Вначале на кухню. Возьмем какие-нибудь консервы... шпроты.

Женщина презрительно дрогнула бровью. Сопротивляться она не пыталась. Была умна и понимала, что не поможет.

– Украсть хотите?

– Это не мне! – сказал Эссиорх жестко. – Это вам.

К даме он насилия применять не стал и ограничился тем, что запер ее в туалете. Перед тем как выйти из туалета, он выстроил консервы в ряд и деловито осмотрел дверь. Дверь была крепкая и замок надежный. Потом он отсоединил от телефона аккумулятор и сунул его в карман.

– В жизни каждого человека бывают дни, когда он должен побыть в одиночестве и пересмотреть свои прежние ценности. Воды в унитазажном бачке сколько угодно, и все время набирается новая. От жажды вы не умрете. Через недельку я пришлю кого-нибудь вас открыть, – сказал он.

– Меня откроет муж!

– Сомневаюсь. Он отправляется скалывать лед в соответствующие широты. Российские ледоколы старые, не справляются. Им надо помогать.

Телепортировав мычащего супруга, куда он обещал, и снабдив его ломом и ватником, Эссиорх вернулся к девочке. Она по-прежнему сидела на стуле, покорно свесив руки. Само повиновение: сказали стоять – стоит, сказали сидеть – сидит. Только бы не делали больно. Городской ребенок, бледно-зеленый и тощенький, как одуванчик, пробившийся между камнями сырого двора.

– Как тебя зовут? – спросил Эссиорх.

Ответа он не ожидал, но неожиданно получил его:

– Алися.

– Алиса?

Девочка замотала головой.

– Алися. Говоли плавила! – сказала она недовольно.

– Лариса? – повторно рискнул Эссиорх.

На этот раз оказалось в точку.

– Хочешь пойти со мной?

Девочка молчала, разглядывая его.

– Улять? – уточнила она.

– Гулять, – согласился Эссиорх. – Только вначале пошли покажешь, где твоя комната! Нужно собраться.

Во дворе Эссиорха уже ждали. У подъезда рядом с его мотоциклом стоял красный поцарапанный «Иж» с коляской. Вокруг «Ижа», изредка задумчиво пиная его переднюю шину, прохаживался байкер по фамилии Баснецов. От известного художника он отличался одной буквой и родом занятий. Баснецов был сорокалетний холостяк, толстый, как подушка, и настолько же добрый. Рыжая борода росла у него радостными кочьями.

Это ему Эссиорх звонил по дороге. Баснецова не пришлось даже будить. Ночами он не спал, а неторопливо ездил по улицам и проспектам в облаке бензина, постреливая барахлящим выхлопом. Выше восьмидесяти его «Иж» не разгонялся, но Баснецову выше и не надо было.

Спал он днем, на службе. Труд Баснецова располагал к здоровому сну. Работал он системным администратором на складе чугунных изделий, где стояли всего три компьютера. Ломались они только тогда, когда кто-то проливал на процессор кофе или садился на клавиатуру.

Эссиорх подошел и посадил девочку в коляску. Из коляски пахло арбузными корками. Шелестела упаковка давно съеденных орешков, сухариков и шоколадок. Баснецов был культурный байкер. Мусор на улице он не выбрасывал, а швырял его к себе в коляску, где он скапливался месяцами.

Оказавшись в коляске, девочка повела себя целеустремленно. Первым делом она угнездилась на сиденье так деловито, будто всю жизнь только и делала, что ездила в коляске. Затем

протянула руки к шлему. Шлем у Баснецова был такой же древний, как и «Иж». Даже, возможно, древнее.

Баснецов посмотрел на девочку с любопытством.

– Как называется эта марка двуногого мотоцикла? – спросил он.

– Лариса, – ответил за девочку Эссиорх.

– Ребенок не промах! Соображает! – произнес Баснецов одобрительно. – Это тот, которого ты изъял? И чей он теперь? Твой?

– Не угадал. Твой, – любезно сказал Эссиорх.

Баснецов дружелюбно ухмыльнулся.

– Ты что, опух? – поинтересовался он.

Эссиорх, однако, не считал, что он опух. Он взял громадную исцарапанную клешню Баснецова, которой тот без ключа подтягивал «ижевские» гайки, и потряс ее.

– Мои поздравления! Ты стал отцом! – сказал он.

Баснецов заволновался. Он не то чтобы нервничал, но постепенно терял чувство юмора.

– Издеваешься?!

Эссиорх с ним не согласился.

– Тебе сколько лет? – спросил он.

Добрый лоб Баснецова опечалился морщинами. Своей внешностью он никогда не был озабочен, а с ней вместе и возрастной арифметикой.

– Сорок, кажись. Или больше? Нет, сорок.

– Чудесный возраст для отцовства! – одобрил Эссиорх. – Пора понемногу раскачиваться. Или теперь, или никогда.

Баснецов перевел мученический взгляд с Эссиорха на девочку и обратно. Лариса выудила из коляски разводной ключ и, экспериментируя, пыталась зажать себе палец на ноге.

– А документы всякие? На детей же документы нужны. Свидетельство о регистрации, технический паспорт и всякое такое! – радостно воскликнул владелец «Ижа».

Ему казалось, что он подыскал веский аргумент.

– Минутку! – сказал Эссиорх.

Рука потянулась к «молнии» на кожаной куртке. Лицо Баснецова вытянулось. Эссиорх достал из внутреннего кармана сложенную вдвое папку-файл.

– Тут все документы, – проговорил он. – Даже фамилия в свидетельстве о рождении твоя. Привыкай, папашка! У тебя куча лишних сил! А ничто так не уничтожает человека, как лишние силы, если они раходуются бестолково.

Баснецов с сомнением разглядывал бумажки на свет.

– Подделка? Нет? А говорил, что техосмотр на «Иж» сделать не можешь! – произнес он с негодованием.

– Это не подделка, – строго заметил Эссиорх. – Это документы строгой отчетности, зарегистрированные всюду, где полагается. А вот любой техосмотр был бы подделкой. Особенно на твой драндулет.

Баснецов вздохнул, пробурчав, что собственный байк Эссиорха не лучше. Все же заметно было, что он колеблется.

– погоди! А чем детей хотя бы кормят?

– В Интернете посмотришь. Вобьешь что-нибудь вроде «правильное питание ребенка-ничегонеежки». У тебя млекопитающие какие-нибудь были?

Баснецов, пригорюнившись, покачал взлохмаченной башкой.

– Только хомяк! И тот сгинул, когда я, прогрев его лампой, случайно накормил холодным арбузом. Жуткая картина! У меня на глазах вцепился в арбуз и – тырк! – замариновал санки! – признался он.

– Зато теперь ты знаешь, что этого делать не следует, – успокоил его Эссиорх.

Баснецов пасмурно посмотрел на него.

– Самый умный, да? Подложил мне... хм... родственника и радуешься! Сколько ей хотя бы лет?

– А ты сам сколько бы дал?

Системный администратор оценивающе оглянулся.

– Больше года, но меньше пяти!

– В точку! Три с половиной. А про еду не волнуйся. Я серьезно. Абсолютно уверен: она не избалована.

Баснецов посмотрел на свою дочь. Та застеснялась и полезла прятаться. Зашуршали бумажки.

– Надо же! Три с полтиной! Компьютеры в таком возрасте почти полный хлам. А люди еще ничего, довольно новые. Странно, да? – сказал Баснецов задумчиво.

Как многие компьютерщики, он был философ, причем абсурдного склада.

Минут пять спустя Баснецов завел «Иж» и медленно уехал, то и дело задумчиво заглядывая в коляску. Эссиорх остался один у подъезда.

– Ты не ошибся? Он как-то не особо был рад! – внезапно спросил кто-то.

Эссиорх увидел Ратувога. Инструктор боевых маголюдий стоял рядом с его байком и с интересом трогал руль. При этом лицо у него было такое, словно он не исключал, что эта грохочущая штуковина способна поехать сама собой.

– Ты здесь давно? – спросил хранитель.

– С самого начала.

– Он был *постепенно рад*, – пояснил Эссиорх.

– Чего-о?

– Нормальная мужская реакция медленного привыкания. Было бы странно, если бы взрослый мужик, увидев маленького ребенка, бежал к нему с воплями: «Вау! Какая лапочка! Хочу быть его папой!» Тогда бы я, пожалуй, нашел кого-нибудь другого. Даже не пожалуй, а точно бы нашел.

– А почему он? Байкер! Перекати-поле! Он небось и дома-то ночует только зимой в гололед, – заметил Ратувог.

Эссиорх оскорбился. Он не переносил, когда его друзей подвергали сомнению. Тут самым беспринципным является принцип постоянной и щепетильной надежности. Не слушать ничего лишнего и ничего лишнего не говорить. Если у тебя есть приятель, который много сплетничает тебе о других своих знакомых, то вполне логично предположить, что так же странно он сплетничает им и о тебе. Тут есть повод задуматься. Нельзя предать на пять копеек. И нельзя предать никого, кроме себя самого.

– Баснецов – уникально верный человек! Другого такого лично я не знаю, – сказал хранитель убежденно. – Сейчас он сам позабыл свои былые желания, но когда-то он мечтал о ребенке. Даже смешно мечтал, немного идеалистично, не как о живом киндере со своими заскоками, который все пачкает и вопит, а наивно и чисто. М-м-м... ну как поселковый рокер с «Восходом» о мотоцикле «БМВ».

Ратувог улыбнулся. Он заметил, что воображение Эссиорха чем дальше, тем сильнее приобретает байкерский окрас.

– Как-то не верится. И почему он не завел себе этого идеального ребенка?

– Опять же из-за верности. Баснецов однолюб. Некой особе он делал предложение четырнадцать или пятнадцать раз. Отметил по календарю кружочками и шпарил через каждые четыре месяца лет пять подряд. Потом девушка все же приняла предложение, но, увы, чужое. А Баснецова пригласила в свадебном кортеже с лентами ездить.

– И он ездил?

– Ездил. Но в самом конце, потому что у него мотоцикл плохой. И в дружбе он такой же надежный... Это, по-моему, главное. Ну а что платье у девочек застегивается на спине, он как-нибудь разберется. Не думаю, что это сложнее, чем собрать компьютер.

– Ну-ну... Хотел бы я тебя понять! – задумчиво пробурчал Ратувог. – В любом случае, девчонка теперь на нашей с тобой ответственности. Если что-то с ней пойдет не так, по мозгам получим прежде всего ты и я. Ты в курсе?

Эссиорх это знал.

– Брысь с моего мотоцикла! Если хочешь, подвезу до шоссе, – предложил он.

– Я не смертник! – отказался Ратувог.

За его спиной, сияя, всплеснули золотые крылья. Мгновение – и он исчез, скользнув с необычайной ловкостью между двух высоковольтных проводов, лишь чудом не задев маховыми перьями ни один из них.

– А еще смертником обзывает! Вот уж точно: каждый говорит про себя, – заметил Эссиорх и вставил ключ в замок зажигания.

Глава 2

«Про чемоданы я попросил бы не заикаться!»

Сила света ровна, неспешна и незаметна, как движение тайной, сокрытой от всех пружиной. Она как морской прибой, как вращение планет, как неустойчивое созревание пшеницы в полях. Но она же и медлительна, так что порой кажется, будто ее и нет вовсе.

Эссиорх. Дипломная работа

Дафне не спалось. Она словно чувствовала, что этой ночью с Мефом что-то должно произойти. Она держала его сердцем, как мать держит младенца, когда, даже не смотря на него, знает, тянется ли он к конфорке или вознамерился упасть со стула. И неважно, что Меф находился сейчас в другой части города – все равно она не теряла его.

Даф стояла у окна общежития озеленителей и смотрела на чахлые деревца с подпорками. Примерно трижды в минуту по деревьям, начиная от крайнего, пробегала волна света. Это показывалась из-за поворота очередная бессонная машина. Через дорогу напротив помещалась кавказская шашлычная. Стандартная аккуратность канадского газона у ее входа успешно побеждалась горской небритостью.

В редком кустарнике переругивались коты. Звук был ненастоящий, с фальшивинкой. Слыша его, Даф предполагала, что кого-то корчит от остроумия, но всякий раз это действительно оказывались кошки. Зато дважды, когда она слышала «настоящий» кошачий крик, это были придиуривающиеся озеленители.

Депресняк, получивший недавно пару серьезных укусов в схватке с безобидным на вид миттельшнауцером, к кошачьим разборкам проявлял равнодушие. Он дремал на подушке у Дафны, изредка шевеля во сне лапами, будто неторопливо направлялся куда-то.

Даф отвернулась от окна и, включив свет, прошла по комнате. Теперь, когда она жила тут одна, комната казалась ей опустелой и пугающе просторной, хотя на трезвый взгляд была и тесна, и захламлена.

Рядом с микроволновкой стоял круглый кактус в глиняном горшке. Это был лысеющий, с коричневатыми потертостями, семейственный старикан, усиженный сверху целым выводком пушистых кактусят. Прежде Меф любил натывать на его иголки желтые и розовые бумажки со всякими поручениями самому себе. Обычно это бывало нечто вроде:

Подт. + + + =

Отж. + + + =

Носки!!!

Купить еды и батареек

Некоторое время назад на кактусе появился темный нарост, крайне противный с виду, похожий на облезший хвост дохлого зверька. С неделю Даф неприязненно приглядывалась к

нему, сейчас же, окончательно решив, что это болячка, решительно отломила. Звук нароста получился неожиданно полным и обиженным. Дафну это насторожило. Она поднесла его к лампе, аккуратно надсекла оболочку и увидела ярко-алый нераспустившийся цветок, покрытый снаружи словно серой шерстью.

Глядя на цветок, который она так глупо погубила, Даф ощутила острое чувство вины. Ей стало вдруг ясно, что все, происходящее в человеческой душе – то, как душа зреет и растет, – всегда тайно и сокровенно, как этот цветок. Кто на самом деле знает, что внутри того, что представляется нам струпом? Многое позволительно в этом мире, а вот сковыривать ничего нельзя. И думать плохо ни о ком нельзя, потому что все равно ошибешься.

Вот она, к примеру, осуждает Мошкина, Чимоданова и Нату, считая их безнадежными, а на деле кто знает? Может произойти чудо – и нечто стремительное, радостное, бесконечно доброе и не считающее своей доброты, подхватив их, вынесет на поверхность, к солнцу. И тогда у пустого корыта окажется тот, кто мысленно уже зачитал им обвинительный приговор.

Внезапно острая тревога заставила Дафну встрепнуться. Она почувствовала, что нужна Мефу.

...Меч появился около дивана Буслаева перед рассветом. Он лежал на ковре, даже и не пытаясь утопать в отсутствующем ворсе. Меч лежал так близко от ладони Мефа, что тот легко коснулся бы его, если бы уронил с кровати руку. Узкий, тускловатый, с четким округлым навершием.

Через минуту после меча в комнате появилась Дафна. На этот раз ее интуиция забила в барабан тревоги почти сразу. Дафна возникла беззвучно. Шторы дрогнули, надулись парусом и опали. Золотистое сияние телепортации слилось с сырным блеском откушенной луны.

В комнате спали трое. Зозо свернулась калачиком на кресле-кровати, ухитрившись накрыться с головой. Если бы этой картине требовалось название, оно было бы: «Я маленькая мышка! Меня нету!»

Эдя Хаврон лежал на спине, широко размахивая руки и отбросив одеяло на середину комнаты. Просто поверженный богатырь на героической картине. Не хватало только раскиданных вокруг трупов врагов и стрелы, торчащей в центре груди. По мужественному лбу Хаврона бродила наглая муха, которую тот отгонял грозным шевелением бровей. Ощувив сквозь сон взгляд Дафны, Хаврон грузно повернулся. Под кроватью лязгнули блины штанги.

Мефодий стонал во сне. Дафна прислушалась. По всем признакам он видел мужской «убивальный» сон № 2.1.1 по классификации мрака. Не то сам Меф кого-то «рэзал», не то его «рэзали». А раз так, то и возникновение поблизости меча представлялось логичным.

Первым делом Даф выглянула наружу, проверяя, не прилип ли к стене шныркий суккуб с рюкзаком гаденьких снов за плечами. Так и есть. На светлой стене дома что-то темнело, осторожно переползая. Правда, теперь суккуб успел спуститься этажей на пять вниз, поочередно забрасывая сны во все окна и форточки.

– Улыбнись и скажи: Лигул, купи парашю-ю-ют! – пробормотала Дафна и поднесла к губам флейту.

Суккуб запоздало взвизгнул, а еще несколько секунд спустя влажный шлепок об асфальт доказал, что Дафна не даром разучивала маголодии, повторяя одно и то же до судорог в пальцах.

– Чтобы освоить любое новое движение, нужно правильно повторить его семь тысяч раз. Если вы талантливы, то шесть. Безумно талантливы – пять с половиной. Гениальны – пять тысяч, но никак не меньше! А то сделают двадцать раз и ноют: не получается! Я бездарен, как крышка от унитаза! – говаривала Эльза Керкинитида Флора Цахес, больше известная в народе как Шмыгалка.

Разобравшись с суккубом, Даф присела на корточки, озабоченно разглядывая меч и размышляя, как с ним поступить. Клинок не появлялся уже месяца два с половиной, с тех пор, как у Мефа отняли память о его службе мраку.

«Хорошо бы убрать его куда-нибудь, а то Меф проснется – и что? Еще решит, чего доброго, поиграть с дядей Эдей в секир-башку и удивится, почему не получилось понарошку», – подумала Даф.

Она хорошо знала своего подопечного. Меф не в состоянии был пройти мимо турника, чтобы на нем не повисеть, мимо тира, чтобы не стрелкнуть, и мимо меча, чтобы им не помахать.

Дафна легкомысленно протянула руку, чтобы взять меч, но так и не успела его коснуться. Клинок изогнулся, сделал неуловимо-быстрое движение и наискось рассек ей правую ладонь от мизинца до середины подушечки большого пальца.

Даф вскрикнула, запоздало ощутив холодную длинную боль, возникшую из точки и сразу расширившуюся и захлестнувшую все ее сознание. Алая, сияющая кровь светлого стража хлынула на клинок. Секунду или две он жадно впитывал кровь, как губка, так что на поверхности и капли не осталось. Тусклая сталь вспыхнула, побелела, расплылась и исчезла – точно блестящая гадюка скользнула в нору.

Даф старалась не смотреть на раненую ладонь. Ей вполне хватало мерзкого ощущения сбегавших по пальцам и срывававшихся липких капель. Морщась, здоровой рукой она стянула с плеч рюкзак и вытянула флейту. Рассеченную ладонь она поневоле держала на отлете, пачкая ковер. Играть на флейте одной рукой было невозможно. Заливать же флейту кровью ей не хотелось. Да это и не привело бы ни к чему. Пальцев раненой руки Дафна не ощущала. Они были чужие и онемелые.

Сосредоточившись, Дафна вызвала Корнелия. Связной света был гораздо бестолковее Эссиорха, однако вопросов задавал меньше и смотрел не с таким сострадательным укором. От него проще было схлопотать пинок, чем добиться укоризненного взгляда. Даф же порой предпочитала пинок.

Корнелий появился почти сразу. Он был заспанный, злой и в одном ботинке. Флейту он, однако, захватил с собой и даже успел примкнуть к ней штык.

– Чего тебе? Твоих ты ухлопала! Дрыхнут как суслики! – хмурым шепотом сказал он Дафне, с сожалением обнаружив, что врагов в комнате нет и крошить некого.

Дафна молча показала ему ладонь. Корнелий моментально перестал болтать и принялся откручивать мешавший ему штык.

– Без паники! Ничего ужасного не произошло! И без пальцев люди живут! – бормотал он.

«Хорошенькое утешение!» – подумала Даф, наблюдая, как он подносит флейту к губам.

С магологиями Корнелий напортачил и, останавливая кровь, сделал так, что шрам на ладони у Даф покрылся темным, очень густым мехом.

– Фа дизз! Понимаешь: ди-ез!!! – подсказала Даф, попутно ощущая, что у нее начинают расти и увеличиваться передние зубы. На ножки табурета она смотрела теперь почти хищно.

– А, ну да! Фа – это для раненых бобров! Как же я мог перепутать? – спохватился Корнелий.

– Не фолфай! Сфевай фто-нифуть! Или я тефя уфююю! – с усилием произнесла Даф.

Передние зубы уже доросли у нее до середины подбородка, и это, видимо, был еще не предел.

– Уфююю – это как? – заинтересовался Корнелий. – Кстати, тебе никто не говорил, что ты похожа на саблезубого бобра?

Дафна молча пнула его. Связной света предусмотрительно отскочил и, хихикнув, исправил ошибку.

Убедившись языком, что ее зубы вернулись к прежнему размеру, Даф сердито оттолкнула Корнелия и подошла к окну. При лунном свете заметно было, что рана закрылась. Кровь больше не бежала, однако Дафна ощущала в глубине ладони холодную пульсацию. Боль, проникшая под кожу, жила внутри и никак не могла утихнуть.

«Странно. По идее, исцеление должно быть полным», – растерянно подумала Даф.

Проверяя, она несколько раз сжала и разжала ладонь. Пальцы повиновались, хотя и с замедлением, как у человека, вернувшегося с мороза. Все же их подвижности хватило, чтобы маголодией очистить ковер от крови.

– У-эээ! Бли-ии-ин! Бы-ы-лиии-и-и-ин! – заохал кто-то рядом.

Оставленный без присмотра, Корнелий додумался выкатить из-под кровати штангу Эди, попытался приподнять и, благополучно опустив себе на ноготь большого пальца, занялся печением блинов и сочинением былин.

Зозо зашевелилась под одеялом. Меф открыл глаза и сел на диване. Даф даже позавидовала, как Корнелию легко удалось его разбудить. Уж она-то хорошо знала, каких усилий ей всегда стоило поднять Мефа. У них даже особый термин существовал – «стоять над диваном», где-то равный по смыслу «стоянию над душой». «Стояние над диваном» заключалось в том, что она, Даф, прыгала по комнате общежития озеленителей, терла Буслаеву уши, забирала одеяло и монотонно повторяла намеренно противным голосом: «Вста-а-авай! Вста-а-авай! Вста-а-вай!»

Опытным путем Даф высчитала, что будить Мефа нужно никак не меньше пяти минут. Если же поверить, что результат достигнут, и уйти, допустим, через три минуты, то Меф, кажущийся проснувшимся, свесивший ноги и смотрящий ясными глазами человека, готового приступить к будничной жизни, окажется лежащим и дрыхнущим поперек дивана, а то и вообще на коврике. Короче говоря, там, где настигнет его злодейская пуля дяди Морфея.

Это, конечно, за исключением дней, когда Буслаев брался тренировать волю. Тут вообще получался парадокс, потому что, подорвавшись часа в три ночи, Меф бегал по комнате, принимал душ, отжимался и молотил кулаками грустную «тетю Грушу». Из бедной, многократно залатанной «тети» бежал песок и летели опилки.

Закончив с «тетей Грушей», а заодно и с воспитанием воли, Меф обычно долго стоял посреди комнаты, размышляя о чем-то монументальном, после чего громко и назидательно говорил спящей Дафне:

– Напомни мне утром, что надо купить мешки для мусора!

Но так было прежде. Теперь же Меф подскочил всего-навсего от сдавленного вскрика Корнелия. Поняв, что еще немного – и их увидят, Дафна поспешила исчезнуть. Охающий Корнелий телепортировал с запозданием на полторы секунды.

Меф так и не понял, видел он что-либо или нет. Когда он зажег свет, в комнате никого не было. Крик же приписали Эде, которого хитрый Корнелий, перед тем как исчезнуть, маголодией сбросил с кровати.

Заснуть Меф не пытался. Что-то тяжелое, связанное не то со сном, не то с чем-то иным, мучило его и тревожило. В памяти оживали и сразу погасали воспоминания, похожие на брызги краски на белом холсте. В комнате висел слабый, дразнящий, почти неуловимый цветочный запах, почему-то напомнивший ему о Дафне. Ощущение ее недавнего присутствия здесь было таким реальным, что он даже опустил на четвереньки, втягивая ноздрями воздух.

– Ты чего? – спросил Эдя.

– Просто так!

– «Просто так» ковер не нюхают! – резонно заметил Хаврон.

Меф решил.

– Что ты обычно делаешь, когда ночью тебе мерещится любимая девушка?

Эдя, чесавший короткопалой пятерней мощную грудь, прервал свое занятие, чтобы покрутить пальцем у виска.

– Я понял, – сказал Меф. – Ремонтируешь мыслящий аппарат. Дальновидно.

Чтобы не слышать праведно-негодующего мычания желающего спать дяди, Меф отправился на кухню. Потоптался у открытого окна, выглядывая в подсвеченную далекими прожекторами ночь. Выпил воды из-под крана. Зозо сто раз пыталась отучить его от этой привычки,

но это не особо помогало, потому что и она сама то и дело, отдыхая от материнской роли, так поступала. К тому же Мефодий почему-то всегда был уверен, что не ондохнет от микробов, а они от него.

Вода камнем легла в желудок, не прогнав беспокойства. Меф, ненавидевший всякую слабость, отправился в душ и долго стоял под струей, пока тело не стало сердито-красным и равнодушным к холоду. Тогда он растерся полотенцем и все на той же кухне, с заездом длинных ног в коридор, отжался в первом подходе девяносто два, во втором – семьдесят и в третьем – пятьдесят восемь раз.

Трицепсы и грудные мышцы забились приятной тяжестью. Мутная тревога отступила. Если бы хоть вспомнить, что снилось ему ночью и почему он проснулся таким разбитым?

«В четыре часа утра отжимаются только психи. Или Буслаевы!» – выплыл в памяти чей-то голос. Меф отмахнулся от него как от навязчивой мухи.

– Надо что-то делать! Что-то менять! – громко сказал он в открытое окно.

* * *

– Привет! Чего с тобой такое? – с беспокойством спросил Меф.

В каждой руке у него было по грязному подносу с посудой, и еще один хитрым образом угнезвился между ними. Недопитый бумажный стакан с кофе съезжал то вправо, то влево, пока не определившись, в какую сторону ему завалиться.

Выглядела конструкция хлипко, и, если не обрушилась пока на голову никому из посетителей «Пельменя», то лишь потому, что достойная голова до сих пор не была обнаружена.

– А что со мной? – спросила Даф.

– Ну... э-э... выглядишь ты неважно... Словно вампир выпил из тебя весь томатный сок! – Голос Мефодия вильнул, как собачий хвост. Он не был уверен, что девушкам об этом говорят.

– Спасибо, – поблагодарила Даф.

– Да, в общем, не за что, – виновато ответил Меф.

Обеспокоенная Дафна отыскала на стене зеркало. Точнее, это были здоровенные зеркальные часы, призывавшие не растрчивать время жизни попусту, а с утра до вечера проводить его в «Звездном пельмене».

Часы Дафну не утешили. Собственное лицо показалось ей посторонним. Бледное, перевернутое. Под глазами – круги. Чувствовала же она себя, как ни странно, неплохо.

– Питаться надо нормально! И спать по ночам! Надо мне будет бросить работу и плотно заняться твоим воспитанием! – заявил Меф. Он все еще торчал рядом со своими подносами, представляя опасность сразу для двух столиков.

Дафне стало тоскливо до лютоcти. «Вот она, настоящая мужская забота!» – подумала она.

Дверь служебки закачалась. В зал выкатилась кругленькая Тощикова. Пчелой подлетев к Мефу, она сердито прожужжала:

– Буслаев!

Меф не удивился, что он Буслаев. Свою фамилию он выучил еще в детском саду и закрепил в младших классах. В сущности, это было единственное верное и надежное знание, которое он вынес из общеобразовательной школы. Все остальные знания были приблизительными.

– Ну?!

– Не нукай! Кто последний спускался в подвал за брикетами: ты или Памирджанов?

– Я! – с гордостью сказал Меф, не видевший повода дарить Памирджанову свои социальные заслуги.

У Тошиковой побагровели нос, клочок лба и два участка на подбородке размером с рублевую монету. Краснела она всегда точно.

– Ты меня запер! Выключил свет и поставил на сигнализацию! Два часа я сидела на ящике, пока Митина не спустилась! – крикнула Тощикова.

Упомянутая Митина караулила тут же, в полуметре, притворяясь, что задвигает стул. Вид у нее был внешне незаинтересованный. Казалось, ей все равно – отправят Буслаева на корм пельменницам или помилуют.

Меф сделал самое глупое, что мог сделать в подобных обстоятельствах, а именно заржал. Тощикова, вытянув руки, схватила его за горло, собираясь задушить, но не задушила и внезапно хрюкнула. Звук был пороссячий, радостный и свежий. Сразу три столика радостно ожились и бросились заказывать пельмени со свининой.

– Холод там дикий! Я клеенку на себя наматывала, чтобы не замерзнуть! – сказала Пончик сквозь смех.

Последовательно злиться она не умела. Митина сердито пнула стул и отошла.

* * *

В середине июля, когда вылились все дожди и на небе не осталось больше воды, в Москве объявилось лето. Нерешительное, бледное, оно развело солнечными руками сизые тучи, деликатно, как из блюда, выпило все лужи, а потом набралось сил да и осталось. Сухим жаром облило проспекты. Высветило неожиданные кувшинки на Москве-реке в промежутках между строительными баржами. Воспламенило желтыми прыгучими огнями темные воды Яузы, так что больно было смотреть.

Днем асфальт разогревался так, что можно было печь оладьи, если бы обнаружили желающие их есть. Крыши машин пламенели. Воробьи выстраивались в очередь к единственной в Москве луже у фонтанов на Манежной площади, свидетельствуя, что жара продлится долго.

Неблагодарные москвичи, прежде клявшие дожди, теперь стали поругивать жару. Зонтики, впрочем, таскались по-прежнему. Истинный москвич всегда недоверчив.

В один из таких дней Мефодий и Дафна шли по Большой Никитской, направляясь от журфака МГУ к бульварам. Смена в «Звездном пельмене» закончилась сорок минут назад. В голове у Мефа еще толкались перебивающие друг друга слова: «Ваш чек! Приятного аппетита! Приходите еще!», а кожа рук пахла дезинфицирующим раствором, которым в «Пельмене» протирают рабочие поверхности кухни.

После той пикировки с директором по подготовке персонала Меф ожидал перевода на мойку холодильников или на парковку, однако о нем словно забыли. То ли у Бруха не нашлось времени о нем вспомнить, то ли Даша Пименова действительно приносила ему удачу, как она сама с улыбкой утверждала.

– И как? Приняли тебя? Сдал? – спросила Дафна.

Она знала, что утром перед сменой Мефодий ездил в универ смотреть вывешенные результаты экзаменов. По тому, как Меф неохотно разлепил губы, Даф поняла, что если бы ему было чем похвастать, он сделал бы это еще в «Пельмене».

– Угум. Сдал. Аляску, Финляндию, Польшу и Алеутские острова. Остались штаны и три пуговицы, – проворчал Меф.

– Что, не поступил?

– На дневной баллов не наскреблось, но написал я вроде нормально. Меня внесли в резервный список.

– Это как? – не поняла Даф.

– Ну если кому-то столб упадет на голову и он передумает учиться, меня возьмут.

– А такое бывает?

– Да сколько угодно! Вертолеты, кирпичи, дохлые вороны...

– Я не о том. Кто-нибудь может передумать?

– Ну мало ли... Я бы не передумал, – сказал Меф без особой надежды.

Даф вздохнула. Соблазн, конечно, был большой, но если она ради Мефа прихлопнет кого-то столбом, то чем тогда свет будет отличаться от мрака? Лучше уж тогда идти на платное.

У консерватории они неожиданно-негаданно встретили Чимоданова. Петруччо стоял, задрал голову, и внимательно смотрел на памятник великому композитору. Лицо у него было созерцательное. Под наивными детскими глазами залегли голубоватые тени. Волосы торчали как проволока.

Дафна подкралась сзади. Ей захотелось толкнуть Чимоданова под колени. Однако у Петруччо была слишком хорошая реакция. Он обернулся.

– Прикидываешь, сколько динамита надо? – полюбопытствовала Даф. Она склонна была приписывать Чимоданову только определенные мысли.

Петруччо оскорбился, как карточный шулер, которому сказали, что он не сумеет отличить короля от туза:

– Думал: смогу я его оживить. Вообрази: топает такой среди машин. Капитально?

– Капитально, – согласилась Дафна, строго взглянув на Чимоданова.

Тот был уже предупрежден, что всякий, напомнивший Мефу о его прошлой службе мраку, будет немедленно катапультирован с использованием ботинка сорок пятого размера. Такой размер был у Эссиорха.

Меф с любопытством смотрел на Чимоданова. Сообразив, что Мефодий его не узнает, Дафна их познакомила. Чимоданов познакомился с Буслаевым с большим удовольствием и тряс ему руку до тех пор, пока Дафна не наступила Петруччо на большой палец ноги.

В эту секунду из консерваторского кафе, в котором вечерами подвыпившие околomuзыкальные фрукты лезут двумя пальцами сбавать на фортепьяно «Мурку», вышли Ната и Мошкин. Ната шагала решительно. Евгеша догонял ее короткими перебежками, пытаясь на ходу завязать шнурок.

– Минеральная вода у них теплая! Теплая же, да? – привычно сомневался он.

Заметив Буслаева, Мошкин радостно подскочил к нему. Евгеша был единственным, кого Меф узнал. Именно Мошкин вытаскивал его из котлована на Большой Дмитровке и сидел у кровати в квартире Эссиорха, когда Меф очнулся. С Вихровой же ему тоже пришлось знакомиться заново.

Ната подошла к знакомству серьезно. Вначале попыталась представиться Ариадной, затем Викторией, после этого нежно потрогала Мефу грудные мышцы острым ногтем, вслух поразившись тому, какие они сильные. И все это время лицо ее прыгало, лоб морщился, а улыбки били сериями по три и четыре, как короткие автоматные очереди.

– Подержи, пожалуйста, моего кота, Ариадна! – мило сказала Даф и сунула в руки Наты Депресняка, которого та терпеть не могла.

Увидев перед собой усатую бандитскую рожу, Ната отпрыгнула назад с таким ужасом, что едва не размазалась по постаменту памятника великому композитору.

Дальше они гуляли уже все вместе, большой компанией.

Виктория, она же Ариадна, охмуряла всех подряд, отыгрываясь за неудачу с Мефом, больно уколотившую ее самолюбие. Потом на нее наехал велосипедист, парень лет двадцати пяти, в бейсболке, надетой козырьком назад. Вскочив, Вихрова и ему тоже грохнула сердце. Правда, тотчас об этом пожалела.

Велосипедист попался приставучий, как дешевая турецкая жвачка, используемая сметливым русским народом для экстренной подклейки разъехавшейся обуви. Буксируя за рога своего железного друга, он тащился сзади, монотонно просил прощения и умолял выйти за него замуж. Даже порывался показать паспорт, мол, у него нет ни штампа о браке, ни детей.

– Накройся медным тазом! Знаешь, почему у тебя детей нет? У такого, как ты, рождаются только краснощекие потребители! – отрезала Ната.

Обладатель непроштампованного паспорта зацепился штаниной за педаль, однако накрываться медным тазом не стал, видимо из-за отсутствия при себе таза.

Эту фразу Вихрова спioniерилa у Улиты. Причем одолжила прочно, без надежды на возврат. В конце концов, Нате она была нужнее. Не Улита разбивала по восемьдесят сердец в день. Ее трудовые нормы были куда скромнее.

От велосипедиста избавились, пройдя сквозную торговую галерею, куда с железными друзьями не пускали.

Чимоданов и Мошкин надумали забредать по дороге в магазины и притворяться даунами. Чимоданов в роли дауна был убедительнее Станиславского. Он бродил, за ногу волоча за собой Зудуку, который бумкался головой о пороги и ступеньки, как классический Винни Пух.

Его все жалели, а в одной продуктовой палатке даже бесплатно дали шоколадку, на которую он, жалобно блея, показывал пальцем. Мошкину же убедительности не хватило. Или, может, он просто не туда сунулся. Из ювелирной лавки его вывели за ухо.

Охранник был сухонький и воинственно-сердитый старичок, которого легко было представить в роли мужа Мамзелькиной. Только у Аиды Плаховны была коса, у старичка – смешная сбруя из дубинки, газового баллончика и открытой кобуры, в которой вместо пистолета торчала рация.

Спасая Мошкина, Дафна подошла к охраннику и стала на него смотреть.

– Девушка, чего вы на меня уставились? Я что, красивый? – с досадой спросил охранник.

– Да. Очень красивый. У вас добрые глаза, – сказала Дафна без иронии.

Старичок что-то растерянно пробурчал. Раздражение из него уже выветрилось. Отпустив уху Евгеша, он вытер пальцы о рукав, повернулся и вновь скрылся в магазине.

– А пальцы-то зачем вытирать? – спросил Мошкин с обидой.

– Чтобы самовоспламенения серы не было! – пояснил Чимоданов.

Он так ржал, что от хохота осел на тротуар. Смирный Евгеша внезапно вспыхнул.

– Ты мне не друг! – сказал он решительно.

Утвердительная интонация в собственном голосе так изумила Мошкина, что он даже моргнул.

– Как это не друг? – озадачился Чимоданов. – А ты мне, выходит, друг?

– Я тебе друг! – заверил его Евгеша.

– Как такое может быть? – не врубился Петруччо.

Оскорбленный Мошкин промчался вперед, и вместо него объяснила Даф.

– А я понимаю так. Вот скажи: корова человеку друг? – спросила она.

– Ну, – согласился Чимоданов.

– А человек корове друг или не друг? Только откровенно?

Петруччо шмыгнул носом, раздвигая сухие губы в широченной улыбке. Между верхними зубами у него были здоровенные щели. Нижние, напротив, напозлали друг на друга, точно льдины в ледоход.

– Заметь, что не я первый сравнил Мошкина с коровой! – заявил он, очень смутив этим Дафну.

Нату необычные зубы Чимоданова внезапно очень заинтересовали и, когда Петруччо наехал на нее минут пять спустя, она, огрызаясь, спросила, когда он чистил их в последний раз.

– Лучше спроси, когда я почищу их в первый раз! И вообще: налет на зубах защищает их от порчи! – без тени обиды парировал Чимоданов.

Ната огорчилась. Всегда обидно, когда хочешь сказать гадость, а на тебя не обращают внимания. Все равно что долго прятать за пазухой пригоршню грязи, самому перепачкаться, а потом промахнуться, бросая с двух шагов.

– Превратить свои недостатки в принцип – это сильно. Я тебя люто ненавижу, Чимоданов! Ты злобный пигмей! Непрошибаемое животное! – прошипела она.

Злобный пигмей самодовольно хихикнул.

– Кажется, сегодня день разборки чемоданов! – неосторожно пошутила Даф.

Петруччо гневно выпрямился и высоко, как римский диктатор, вскинул подбородок.

– Подчеркиваю в первый и в последний раз! Про чемоданы в моем присутствии... – начал он.

– «...прошу не заикаться!» – одновременно закончили Мошкин и Ната.

Чимоданов хотел что-то возразить, но внезапно застыл и, повернувшись, проводил кого-то взглядом.

– Опа! Какая девушка хорошая! – сказал он.

Все изумленно повернулись, чтобы посмотреть на хорошую девушку Чимоданова. За восемнадцать лет жизни это был первый случай, когда Петруччо отозвался о девушке без цинизма.

Оказалась, что девушка Чимоданову понравилась такая же, как и он. Небольшого роста, крепкая, на быстрых решительных ногах с сильной голенью. Такие девушки шагают так упруго, что, кажется, после каждого шага их подкидывает.

– Чимоданов начинает интересоваться противоположным полом! Невероятно! Не иначе как наступил сезон цветения пеньков и парковых лавок! – заявила Ната.

В ее голосе звучала легкая досада, проявлявшаяся у Вихровой всякий раз, когда кто-то смел интересоваться не ею, а кем-либо другим.

– Хочу познакомиться! – сказал Чимоданов Мефу.

Буслаев не возражал.

– Знакомься!

– Ага, знакомься! Ща! Давай ты сдернешь у нее мобилку, а я тебя настигну и сломаю тебе шею! – предложил Чимоданов.

Буслаев отказался. Мошкин тоже не горел желанием. Он так долго переспрашивал: «Кто? Я?», что девушка ушла и вместе с собой унесла целый виток несвершившейся судьбы.

– Сволочи вы! Мобилку сдернуть не могли! Теперь вот попросите меня о чем-нибудь! – угрюмо сказал Чимоданов и молчал целых три минуты, изредка замахиваясь, чтобы хлестнуть себя по спине Зудукой.

Ната все не могла успокоиться. Влюбленный Чимоданов не давал покоя ее воображению.

– У меня есть отличная подруга! Футболистка! А ноги какие! Ты таких и не видел! Страуса запинаят в восемь секунд, – дразнила она.

– Познакомь! – сразу клюнул Чимоданов.

– Даже и не подумаю! – отказалась Ната.

– Почему?

– У меня принцип такой. Никогда не знакомить своих друзей между собой. Особенно мальчиков и девочек. Это хуже, чем оказаться между вагонами во время сцепки. Куда ни дернешься – все равно придавит и кругом окажешься виноват, – заявила Вихрова.

Петруччо постучал пальцем по лбу.

– Подчеркиваю! Фактор Ж! – категорично произнес он.

Фактор Ж означал у него «фактор женщина», и этим все было сказано.

Они прошли по Никитской и свернули к Новому Арбату. Через дорогу от них каменел высокий бульвар с новыми скамейками.

Здесь к Чимоданову подошли два стареньких японца, которым на двоих было лет сто семьдесят, протянули ему фотоаппарат и знаками попросили их снять. Петруччо старательно щелкнул, держа Зудуку в зубах, а затем преспокойно сунул фотоаппарат в карман и застегнул «молнию». Дождавшись, пока с вежливых японских лиц сметет дежурные улыбки, он расстег-

нул «молнию» и вернул им фотоаппарат. Старички вновь заулыбались, часто кивая и быстро пятясь.

– Перегрелся? – спросил Меф.

– Обожаю производить мерзкое впечатление! – самодовольно сообщил Чимоданов. – И вообще, откуда они знают: может, я всемирно известный фотограф, и эта камера – мой авторский гонорар?

Даф хмыкнула. Некогда Петруччо выбрал себе амплу нравственного уродца и теперь изо всех сил его поддерживал. Поначалу это было нечто вроде: «Я знаю, что я смешной урод, но я буду уродом, потому что мне нравится быть уродом!» Да и получалось неважно, но мало-помалу привычка прорастала и преобразовывала натуру.

Пользуясь тем, что внимание Дафны отвлечено на Чимоданова, Мефодий взял ее за руку. Ладонь Даф чуть дрогнула, но осталась у него в плену. Даже на миг дружелюбно сжалась. Ната зорко покосилась на руку Мефа. Такие детали никогда не ускользали от ее быстрых глазок.

– Что за хватательный рефлекс? В каждом парне дремлет младенец? «Мамочка, возьми меня за ручку!» – поинтересовалась она.

– При чем тут это? Может, я дорогу боюсь один переходить! – спокойно пояснил Меф.

– Какое совпадение! Я тоже! – умилилась Вихрова. – Эй, Пименова Дарья Батьковна, дайте мне тоже ручку!

– Давай я тебя возьму! – предложил Чимоданов, только что закончивший ковырять в носу.

– Ага, щас! Ты меня под машину попадешь! – отказалась Вихрова.

– А я? – предложил Евгеша.

– Ой, только не ты! – взмолилась Ната. – Все, кто угодно, только не Мошкин! Ты будущий мамик!

– Что за мамик?

– Худшая разновидность папика, – отрубил Вихрова и хладнокровно перешла одна, наплевав на запрещающий сигнал светофора.

Ната о чем-то размышляла, с кошачьей ловкостью идя по бровке, бок о бок с проносящимися машинами.

– Интересная тема для нездоровых фантазий! – внезапно заговорила она. – На необитаемый остров поселили группу маленьких детей. У них есть пища, дом, компьютерные программы, которые учат читать, книги – короче, все, что нужно. Но одна оговорка: ни в одной из их книг нет слова ЛЮБОВЬ и вообще ничего о любви. Смогут они когда-нибудь любить? Я имею в виду чувство.

Даф покосилась на Нату с удивлением. Вихрова всегда казалась ей нравственно и содержательно примитивной, как мелодия о чижики-пыжики, а тут вдруг такая мысль. Вот уж правду говорят: человек всегда шире любого твоего суждения о нем.

Чимоданов хмыкнул.

– А пока они маленькие были, почему они не передохли? Кто этих детей обслуживал? – уточнил он.

– Отвали! Какая разница кто?! Роботы! – огрызнулась Ната. – Так что: смогут или нет?

– Не-а, куда там, – усомнился Петруччо. – Как чаек камнями подбивать, может, и сообразят, а насчет прочего вряд ли.

– А я думаю, смогут. Даже скорее, чем остальные, – уверенно ответила Даф.

– Почему? – озадачилась Ната.

– Потому что остальной мир знает слово «любовь» в его дежурном виде, короче говоря, ест то, чем кормят в фильмах, а что ему соответствует – само наполнение понятия, всю его глубину – постепенно забывает. Остался один скелет слова, внутри же все выгнило. Там же на острове, возможно, не будет самого слова, но возникнет главное – его внутреннее наполнение.

– И откуда оно там возьмется? – усомнилась Вихрова.

– Само появится, – заверила ее Даф. – Из сочувствия, сострадания, жалости, заботы. Если они будут, то любовь не сможет не появиться. Если есть зажженная спичка и облитые бензином дрова – костер возникнет сам собой.

Ната выслушала ее недоверчиво.

– Я такой любви не хочу! Какая-то она каличная, – заявила он.

– А какой ты хочешь? Чтобы табуретки летали? – уточнила Даф.

Ната расцвела.

– Ага. Самое то!

– Распространенное детское желание. Правда, в большинстве случаев оно сохраняется до первой табуретки, которая попадает тебе в нос, – согласилась Даф.

– Не факт. У некоторых дольше, – сказал Меф, думая о матери.

Они шли по Новому Арбату, когда их обогнал щеголеватый человек с пятном кетчупа на заднем кармане светлых брюк. Он шел, пританцовывая, и так вихлял бедрами, что ухитрялся цеплять тазом всех проходивших мимо. Каждого задетого он хватал за запястье и, заглядывая ему в глаза, извинялся. Заметив на газоне невзрачный цветок, мужчина подскакивал от восторга, с воплями подбегал к нему на четвереньках и обязательно нюхал. В какой-то момент у него из кармана выпала скомканная сторублевка и точно специально была поднесена ветром к ногам Евгеша.

– Эй, вы уронили! – крикнул добрый Мошкин.

Даф попыталась лягнуть его ногой, но было поздно. Человек с пятном кетчупа обернулся. Это был суккуб Хнык. Его простроченное лицо сияло.

– Нюня моя! Кого я вижу! Евгешечка, Дафочка, Мефочка! А я-то иду и думаю: «Что за симпампули?» Как тесен мир! Как же я рад, нюня моя! – засюсюкал он и, облизав губы, бросился целоваться.

Дафна притормозила его фразой: «Спасибо! Не надо!» Ненавистное суккубу слово было подобно двойному останавливающему выстрелу в бронежилет. Хнык отскочил, с трудом переделав злобную гримасу в дружелюбную улыбочку.

– А я тут вот тружусь, дорогули мои! – сказал он. – Кстати, слыхали новость? Контору-то нам новую отгрохали. Блеск и чистота! Десять приемных окон! Работает круглосуточно, не то, что раньше. Никаких неприятных дней, перерывов. И хочешь порой в очереди потолкаться – ан нет ее! Товар сдал, регистрацию шлепнули – и иди дальше вкалывай!

Лепеча, Хнык не забывал переводить глазки с одного собеседника на другого. Глазки у него были цепкие, засасывающие, как пылесосы, и совсем не вязались с добреньким и расхлябанным голоском неостановимого болтуна.

– Вы-то как сами? Как жизнь?

– Прекрасно! – ответила за всех Даф. С ее точки зрения, все подробности для Хныка были лишними.

– Ну у вас-то в эмпиреях все всегда прекрасно!.. – ехидно сказал Хнык. – А как Арей поживает?

– Понятия не имеем, – сказал Чимоданов.

Это было правдой. Все они не видели Арея уже два с половиной месяца, с того дня, как он отдал карту Варваре. Где он теперь и что с ним – загадка. Лишь мельком они слышали от Эссиорха, что за голову мечника Лигул назначил награду.

В разговоре Хнык то и дело вопросительно поглядывал на Мефа, точно приняхивался к нему. Даф присела на корточки и, открыв рюкзак, неназойливо продемонстрировала Хныку флейту. Хныкус Визглярий Истерикус Третий, неглупый, как все суккубы, правильно понял намек и прикрыл словесную лавочку на вербальный засов.

– А что за контора? – спросил Меф.

– Так контора она контора и есть! Офис, стало быть! – уклонился Хнык, тревожно косясь на рюкзак Дафны.

Меф с интересом разглядывал Хныка. В отличие от Дафны, простроченного лица он не замечал, но все равно ощущал тревожащую двойственность. Он давно обнаружил, что выражение – или то, по чему мы судим о выражении – зависит порой от малейшего пустяка: едва приметного движения мышцы, поворота головы или случайной тени, скользнувшей по крылу носа. Даже горошину за щекой не спрячешь так, чтобы это не отразилось на лице.

Вот и в лице Хныка он явственно улавливал ложь, но, чувствуя ее, не понимал, откуда она возникает. Суккуб продолжал что-то лепетать, подпрыгивать и несколько раз в разговоре с Мефом упоминал Прасковью, всякий раз гадко подмигивая.

– А что, получается, Прасковья сейчас главная? – наивно спросил Мошкин.

Хнык улыбнулся правой половинкой рта и туманно пошевелил пальчиками, будто намекал на что-то, чего не мог озвучить.

– Главная-то она главная... Да! Мы ее страсть как уважаем, нюня моя! Да только мы существа подневольные. Маленькие существа, то есть. Нам до такого высокого начальства не допрыгнуть. У нас и поближе начальник есть. Помощник Прасковьи!

– Ромасюсик, что ли? – поразились Даф.

Хнык захихикал, продемонстрировав зубки. С одной стороны рта они были мелкие, женские, острые, как у хорька, со следами помады, а с другой – крупные, тесно-крепкие, с синеватой подъединкой в стыках. Такие идут обычно в комплекте с квадратным подбородком.

– Какой там Ромасюсик, мамуля! Ромасюсик – пуф! А тут личность! Персона, нюня моя! Куда там Арею!.. Тому бы только головы сносить, а тут государственный ум! – В голосе Хныка послышалось благоговейное уважение, какое нередко испытывает мелкий жулик при виде махинатора крупного калибра.

Хорошее настроение Дафны дало трещину. Новость была скверная. Как она и предполагала, Лигул не доверил Прасковье самостоятельное руление российским мраком, а прислал из Тартара кого-то более толкового. Прасковье же была уготована роль свадебной генеральши. Она сколько угодно могла расплавлять взглядом комиссионеров, рвать пергаменты, страдать от силы собственных желаний и хохотать – но только этим все и ограничивалось.

Не она же, в конце концов, устроила эти десять безостановочно работающих окон, в которые то и дело просовывались липкие ручонки с зажатыми русскими эйдосами? При Арее, в конце концов, был только стол, за которым Улита шлепала печатью да и по физиономии могла ею же треснуть.

– И как зовут этого нового? – спросила Даф.

Хнык высунул острый язычок, как принюхивающаяся змейка. Голос у него в смущении завилел. В жабьих губах заблудилась улыбочка.

– Пойми меня правильно, золотце мое! Может, это и не особая тайна, да только лучше, если ты не от меня узнаешь... Все ж таки ты не из нашего болотца! Давай без обид, а?

Дафне захотелось его пнуть. Ей неприятен был этот липкий, вкрадчивый голосок. Да и какое она ему золотце? Бриллиантец ты наш!

– Ну хорошо. А как выглядит, можешь сказать?

Суккуб смутился. Как существо маленькое и зависимое, в оценках он всегда проявлял крайнюю осторожность.

– Орел, нюня моя! Истинно коршун, Тухломошей клянусь! Лев! – восклицал он, предпочитая размытые характеристики.

Ната задумалась, сбита с толку этими зоологическими восторгам. Можно было решить, что Лигул заслал в Москву целый зоопарк.

– А заглянуть-то в резиденцию можно? Любопытно, как там чего отстроили! – сказала она.

Услышав о желании Вихровой, Хнык засомневался и, сдернув с ноги узкую девичью туфлю, мгновенно связался с резиденцией, держа туфлю у уха, как трубку. Разумеется, он мог бы сделать это и так, но суккубы обожают театральщину. Секунда – и из туфли полился громкий, слобный голос Ромасюсика.

– Заглянуть – да ноу проблемов! Прашечка не хаает ничего против! – зачирикал он утренним воробушком. – Хлебанем чаечку два по двести пятьдесят! С шугером! Тортик рубанем! А Зигги Пуфс-то как рад будет!..

– Что за Зигги Пуфс? Это тот самый, да? – насторожилась Даф.

Хнык так застенчиво и красноречиво заколыхал плечиками, так сложно заиграл ускользающими улыбочками, что ответ пришел сам собой. Даф убедилась, что Зигги Пуфс и был тот самый таинственный орел, коршун и лев в одном лице.

– О, там и Дафочка! Слышу знакомое вяканье! – обрадовался Ромасюсик. – А Мефочки рядом нету? А то Праша мне весь рукав издергала. Она очень... у-о-ой... ухо!.. Зачем же так сразу?

Послышался хруст пористого шоколада. Хлопнула дверь.

– Какое ухо? – не поняла Ната.

– Никакое. Новое теперь только завтра вырастет, – горестно сообщил изувеченный Ромасюсик.

Ната засмеялась.

– Предсказываю: однажды Прасковья проснется среди ночи голодная, злая и несчастная. Она наберет номер Мефа, просто, чтобы послушать его голос, но к телефону подойдет Дафна. Тогда Прашечка разобьет телефон о стену, устроит где-нибудь извержение вулкана, и тут ей случайно подвернется Ромасюсик. Он не успеет даже пискнуть: она сожрет его целиком, до последнего ногтя, запивая водой из-под крана.

– Хе-хе-хе! Хю-хю-хю! – залился смехом Ромасюсик. Однако чувствовалось, что смеяться ему не хочется.

Дафне стало грустно. Она остро ощутила, как Прасковья несчастна и как она, Даф, возмутительно счастлива на ее фоне. У нее есть свет, и Меф, и Депресняк, и полеты, и флейта – и много чего еще. А у Прасковьи, если задуматься, только придурок Ромасюсик, хотя она будто бы и повелительница мрака. И вот она и себя терзает, и Ромасюсика поедом ест.

Когда ты любишь – тебе принадлежит весь мир. Когда ненавидишь – ты даже сам себе не принадлежишь, а принадлежишь одной только ненависти.

– Так что, Ната, ждать тебя? Когда? – спросил Ромасюсик, переставая хюхюкать и хехекать.

Вихрова задумчиво посмотрела на ближайшую водосточную трубу, которая, точно рыбьей чешуей, шелушилась рекламными бумажками.

– Где-то через полчаса, – сказала она.

– А Мефа ждать? Если Праша спросит?

Умный Хнык посмотрел не на Буслаева, а на Дафну.

– Светлая мотает головой! Вот из каких составляющих рождается твердое мужское «нет», – сказал он противным голосом.

Удар был нанесен метко. Меф ощутил досаду. Дафне же захотелось размазать Хныка маголодией по всему Новому Арбату, раскатав его по асфальту в толщину одной молекулы. К слову сказать, и подходящая маголодия в арсенале у нее имелась. Что ни говори, а суккубы умеют ссорить как никто. Замешкаешься, позволишь проникнуть в себя самолюбию или обиде, и крошечную трещину в отношениях, которая в противном случае заросла бы сама собой, эти скользкие гады растянут до размеров пропасти.

Ромасюсик в трубке хрюкнул.

– А *те двое* придут? – спросил он, объединяя Чимоданова и Мошкина в одно обидно-собирательное понятие.

Чимоданов кивнул. Другой из «тех двоих» от прямого ответа уклонился.

– Он тоже идет. Идешь же, да?! – решительно произнесла Ната, вцепившись ему в рукав.

Одна из самых больших проблем Евгеша состояла в том, что из-за своей патологической мягкости он совершенно неспособен был сказать «нет». Равно как и «да». Но «да» в большинстве случаев оказывалось менее важным словом, и Мошкина просто волокли за собой.

– Он не идет! – сказала Даф.

– Нет, идет! – повысила голос Ната.

Лицо у Евгеша стало страдальческим. Он не знал, что ему делать и как поступить, чтобы никому не отказать. Такие ситуации складывались у него регулярно. Из-за своей бесхребетности Евгеша поневоле давал всем кучу обещаний, которые часто взаимно исключали друг друга. Нельзя же одновременно быть и не быть, сделать и не сделать.

Боясь кого-либо обидеть, Мошкин шел у всех на поводу, страдал, мялся, и получалось в тысячу раз хуже и больнее для него и для других, чем если бы «нет» прозвучало сразу.

Даф поняла, что спор может продолжаться бесконечно. Ната готова орать одно и то же до пены у рта – это проверено.

– Пусть он решает сам! Он мужчина! – сказала Дафна Вихровой.

Ната хмыкнула и с презрением посмотрела на Мошкина.

– Ну фиг с тобой! Решай, мущина ты наша! – разрешила она.

Оглядываясь то на Даф, то на Нату, Мошкин закудахтал, как Курочка Ряба, и вместо золотых яиц понес какую-то ахинею. Все же заметно было, что он больше склоняется к тому, чтобы посмотреть на новую резиденцию.

– А ты-то там зачем? – спросила у него Дафна.

– Ну я это... одним глазком, – принялся оправдываться Мошкин.

Даф уступила. Про себя же подумала, что в том-то и проблема, что на мрак нельзя взглянуть «одним глазком», как и с крыши многоэтажки нельзя упасть слегка. Вот и сейчас, выдернутые на время из цепких лапок мрака, бывшие наемные сотрудники вновь устремлялись к нему, как оса, которую только что заботливо выудили чайной ложкой из варенья, опять, жужжа, в него влетает.

Ната и Чимоданов ушли сразу. Евгеша потоптался с минуту, посмотрел на Дафну виноватыми щенячьими глазками и тоже слинял в мутную неизвестность.

– Чего ты в него вцепилась? Ну хочет идти и пусть идет! – только теперь удивился Меф.

Пока Ната и Дафна спорили, он благоразумно не вмешивался, чтобы не оказаться в положении человека, из любопытства всунувшего голову в закрывающиеся двери метро.

– Жалко его. Все кому не лень из него веревки вяют, – сказала Даф.

– Просто он мягкий, – заметил Меф.

– Если бы был мягкий, я бы не беспокоилась. Он бесхребетный.

– Ну я и говорю...

– Ты говоришь «мягкий». Мягкость и бесхребетность – разные вещи. Мягкость – от силы и мудрости. Бесхребетность – от слабости, вялости и полного отсутствия внятных внутренних ориентиров. Бесхребетного человека можно заставить пойти в магазин и убить молотком кассира. А вот мягкого – не заставишь. Мягкие люди на самом деле очень твердые. Все герои на войне – настоящие, не случайные – были мягкими. Психопаты обычно тихо сидели в окопах и размышляли, как слинять, получив неопасную рану в ногу, – сказала Дафна.

Меф рассеянно выслушал ее и подумал, что вот, тянет же его к умным девушкам. Видно, природа так устроила, что у кого чего нет, тот то и ищет.

Они купили два бутерброда с сосисками и, капая кетчупом, присели на горячий мрамор пешеходного перехода недалеко от Дома книги. Дафна надеялась, что Хнык отстанет, но тот

все маячил и вертелся поблизости, то отбегая, чтобы с кем-нибудь заговорить, то вновь подсакивая к ним.

Лишь когда Даф решительно сунула руку в рюкзак, Хнык спохватился и стал прощаться.

– Покусики, мои лапустики! Бай-бай!

Жестким пальцем короткопалой мужской руки он нажал на нос Дафны, сказав «Пыки-пык!». Женская же тонкая рука ласково скользнула по щеке Мефа.

– Какая лапочка! И щетинка еще не колется! – проворковал он и исчез прежде, чем Дафна поднесла флейту к губам.

– Уф! Отделались! Что это был за псих? Где ты с ним познакомилась? – спросил Меф с досадой.

Как всякий нормальный, не любящий излишне мудрить парень, склонный к здоровому деспотизму, он желал знать жизнь девушки полностью, начиная с момента, как в детском саду в нее запустили огрызком от яблока.

– Э-э... Работали вместе, – пояснила Даф.

– Что, серьезно? Где?

– В одной конторе.

– Это ее они умчались смотреть?

– Э-э... Ну да, – подтвердила Даф.

– А при чем тут Прасковья? – спросил Меф.

Дафна ощутила, что еще немного, и она окончательно запутается в объяснениях. И это при том, что лгать ей не хотелось, чтобы не рисковать перьями. Максимум сказать не все, оставаясь в то же время в узких, но единственно возможных рамках правды.

Спасение пришло с неожиданной стороны. Из парусинового балаганчика летнего кафе вынырнул громадный черный пес. В пасти он держал жареную курицу. Пес бежал неторопливо, с достоинством. Не столько улепetyывал, сколько передвигался приплясывающим шагом. Рот у него был широко открыт, а черные края губ задраны. Создавалось впечатление, что пес многозначительно улыбается.

За псом гнались два официанта. Первый, носатый, восточно-горячий, размахивал полотенцем и так злился, словно знал украденную курицу с цыплячьего возраста и даже сам помогал наседке высиживать яйцо. Другой, длинноногий, халтурил и семенял проформы ради, без желания догнать. Всякий раз, когда, казалось, что он должен настичь пса, официант приостанавливался, бросал сбоку взгляд на безмерно серьезного пса и принимался ржать.

– Ой, не могу! Держите меня сорок человек! Ой, не могу! – стонал он.

В очередной раз упустив пса, носатый подпрыгнул и, задыхаясь от гнева, принялся колотить своего напарника полотенцем.

– Пачэму нэ ловыл? Пачэму плохо бэжал? Мушшына ты или проста чэлавэк?! – восклицал он.

«Проста чэлавэк» увертывался от полотенца, продолжая ржать. Сразу прекратить смеяться он не мог, как выключенный чайник не сразу перестает кипеть и булькать.

– Да отстань ты от нее! Ну отберешь курицу, и что? На стол подашь? – спросил он.

Носатый искренне удивился.

– Как отстань? Каждый сабака будыт куриц брат, а платыт – нэт? – спросил он, точно подразумевая, что каждый приличный пес должен иметь при себе бумажник или на худой конец кредитку.

Дафна, узнавшая пса мгновенно, едва ли не раньше выгнувшегося дугой Депресняка, уже мчалась за ним. Удивленный Меф торопился следом, стараясь не потерять из хот-дога сосиску. Пес нетерпеливо трусил по тенечку, держась стен домов. Самое удивительное, что украденной курицы он не ел и даже не опускал ее на траву.

Некоторое время спустя пес остановился у подземного перехода. Посмотрел в одну сторону, в другую и культурно скользнул в переход. Буслаев присвистнул. Он впервые видел собаку, которая переходила дорогу так грамотно.

– Мы тоже туда? – крикнул Меф.

Даф уже спускалась. Лампы дневного света гудели в струе щиплющего глаза сквозняка.

В центре перехода на складном стульчике угнездилился одинокий флейтист, у ног его стоял бумажный стакан из-под сметаны, полный мелочи. Тут же на газетке лежал и толстый кот в ошейнике, возле которого тоже помещалась своя кружка для сбора.

Флейтист и Дафна посмотрели друг на друга настороженно, как две особы в одинаковых свитерах, случайно вошедшие вместе в лифт. У Дафны мелькнула мысль, что это светлый страж на боевом посту, у флейтиста же ход мыслей был свой.

– Идеи, блин, воруют на каждом шагу! Девушка, имейте совесть: помогите коллеге-музыканту! – с гневом сказал он в пространство.

Пока Дафна помогала коллеге-музыканту, уговаривая Мефа отдать ему фирменную бейсболку «Звездного пельменя», а Депресняк шипел на толстого кота, пес с курицей куда-то исчез. При этом и у Мефа, и у Дафны создалось ощущение, что перехода он не покидал.

Вскоре все прояснилось. На выходе подземный переход разветвлялся. Слева – ступеньки, справа – наклонный заезд для детских колясок. Тут же начинался короткий узкий коридор. Завершался он железной дверью с молнией и надписью: **«Высокое напряжение! влезай – убьет!»**

Именно «влезай – убьет». «Не» кто-то старательно закрасил черным маркером.

Однако пес, как видно, желал, чтобы его убило. У этой двери он и скребся, уверенно толкая ее лапой. Казалось, открыть дверь невозможно, поскольку снаружи на ней висел в кольце-«антифомке» здоровенный замок.

Но произошло чудо. Невероятное победило очевидное и закидало его мертвенно-дохлый трупик вусмерть убитыми фактами. Дверь открылась вместе с висячим замком, который оказался просто наваренным на нее сверху.

Пес скрылся внутри. Подав Дафне знак подождать, Мефодий осторожно заглянул внутрь. За дверью обнаружилась квадратная комната примерно четыре метра на четыре. Освещали ее такие же гудящие лампы, как и весь пешеходный переход.

Никаких смертоносных щитов с электричеством внутри он не увидел. Окна, разумеется, тоже отсутствовали, зато имелись старый диван и круглый пластиковый столик, по всем признакам «прихваченный» из летнего кафе.

Черный пес успел уже удобно развалиться на диване. Положив перед собой курицу, он смотрел на нее, вывалив язык и склонив голову набок. Заметив Мефа, он заворчал, но скорее предупреждающе, чем агрессивно. Главным для него было донести мысль, что курицу Буслаев не должен трогать ни при каких обстоятельствах.

– Я и не трогаю! Я знаю, что недостоин ее морально! – сказал Меф.

Пес перестал ворчать. Видя, что Мефодий не появляется, Дафна просунула голову, осмотрелась и вошла. Перед ней на стене висел пожелтевший плакат начальной военной подготовки, сообщавший, что: «Правильно ведя оборонительные действия, каждый солдат может уничтожить большое количество техники и живой силы противника». Прыгающие буквы наверху со знанием дела уточняли:

«ЕсЛи хочИшь вСех зафИгачить, беРиги каНсерВы. ЗопаСай гранАты и потроНЫ! В первую очередь грохни офицера, свизИста, СнайПера, пулемедЧика и кариКтировщика огня».

В нарисованном кустарнике лежал солдат, кривизной крепких ног надежно смахивающий на Чимоданова, и, выставив дуло, вел оборонительные действия. Выражались они в том, что он пунктирной линией палил по неприятельским солдатам, машине и мотоциклу. Дафна

представила, что это Чимоданов палит по Эссиорху, и ей захотелось пририсовать мотоциклисту кожаную куртку, а солдату ерш жестких волос.

Она подняла флейту, чтобы оживить плакат и устроить сражение, проверяя, сколько живой силы уничтожит Чимоданов, но вовремя вспомнила, что Мефу ничего подобного показывать сейчас нельзя. И вообще для светлого стража у нее становятся сомнительные интересы.

Депресняк клокотал у Дафны на плече, как закипающий чайник. Правое крыло он высвободил из комбинезона и хлопал им, безуспешно пытаясь взлететь. «Я тебя презираю!» – сообщал он псу.

«А я тебя в упор не вижу!» – так же без слов отвечал ему пес.

– Впервые вижу собаку, у которой есть своя комната в подземном переходе, свой стол и свой плакат по гражданской обороне, – сказал Меф.

– Это точно, синьор Помидор! У этой собаки много чего есть! – заверил насмешливый голос у него за спиной.

Буслаев обернулся. В дверях стоял Арей, вошедший беззвучно. С ним рядом Варвара сердито постукивала по ладони вытянутым из ножен тесаком.

Глава 3

Царевна-волчица

Настоящая любовь не может остаться безответной. Если любовь безответна – это инстинкт.

Йозеф Эметс, венгерский философ

Ирка разрывала землю передними лапами, сердито откидывая ее себе под живот. Она не могла найти кость, зарытую вчера, и злилась. Изредка Ирка вскидывала морду и огрызалась на Антигона. Она подозревала, что это он утащил кость и сгрыз где-нибудь в сторонке.

Кость была ей не нужна, есть бы ее она не стала, но Ирка и прежде терпеть не могла, когда пропадают ее вещи. Срабатывал извечный женский принцип, что нужны именно те брюки, которых не можешь найти. Причем нужны исключительно до тех пор, пока они не найдены.

Матвей стоял рядом и с грустью смотрел сверху на волчий задривок. От любимой девушки назойливо пахло тухлой рыбой. Волчица всякий раз не могла удержаться и вываливалась в рыбьих внутренностях, если где-то их обнаруживала. Ей казалось, что это отличная маскировка, и теперь собаки не разберутся, кто она такая, и примут за сухопутно путешествующую по своим делам дохлую атлантическую сельдь.

В шерсть на задривке впутались колючки, торчащие со всех сторон ошейника-строгача. Иным волчицу было не удержать. Хотелось бы обойтись вообще без поводка, но тогда Ирка невеста куда забрела бы и могла нарваться на неприятности. К ней и так уже многие подозрительно приглядывались.

Багров давно разобрался, что волков и собак отличают не столько по хвосту и серебристому окрасу, сколько по понуро-хитро-разочарованному виду. Собака чаще всего жизнерадостна и деловита, волк же сутуловато-уныл. Вечно стоит с опущенной головой и смотрит исподлобья, никому не доверяя.

Движения волка похожи на движения зашуганного, известного всем в городке попивающего воришки, который бочком пробирается по рынку, втягивает голову в плечи, не огрызается, когда на него кричат, но при первом же случае ухитряется схватить и унести что плохо лежит.

Матвей ощущал себя опустошенным. Когда внутри все выжжено и гложет чувство вины, оставаться нормальным нельзя. Можно только притворяться нормальным. Матвею казалось, что у него нет ни прошлого, ни будущего. Одно длинное бесперспективное настоящее.

Целуя тогда Ирку, он и не задумывался, что это приведет к таким последствиям. И вообще не верил в последствия. К кодексу валькирий он относился как к чему-то древнему и отжившему. Вроде не отмененного до сих пор средневекового устава европейского универа, запрещающего вводить с собой лошадь в аудиторию и проносить на экзамен заряженный боевой арбалет. Багрову казалось, что в законе есть главная часть, которую соблюдать надо, и есть нечто такое, что потихоньку можно и нарушить. Теперь же оказывалось, что кодекс валькирий ничего лишнего не содержал.

Служение валькирии слишком ответственно, чтобы можно было совмещать его с малейшим эгоистическим удовольствием. Тот, кто несет за царем его меч, не может по дороге заходить в пивнушки. Тут – что-нибудь одно. Если все же хочешь жить для себя – передай служение валькирии кому-то другому: отдай копьё, шлем и щит.

Ирка же – из-за него, Матвея, – нарушила кодекс, увлеклась запретным чувством и теперь вот рычит, когда у нее пропадает кость.

Все же главным, что добивало Багрова, ущемляло его выпуклое мужское «Я», была полная собственная беспомощность. Как некромаг, он привык, что может решить большинство

проблем, теперь же оказывалось, что вся его магия – блеф и возможности не идут дальше способности шевелить лапками дохлых зверушек.

Вечерами Матвей сидел и часами, ни о чем не думая, вычесывал волчице шерсть. Ирка, обычно не любившая прикосновений, уступала. Она лежала, вытянувшись, и умиротворенно смотрела на огонь. В ее выпуклых зрачках пламя обесцвечивалось, двоилось и казалось прирученным.

Антигон хлопотал возле буржуйки, порой из лени скармливая печке такие крупные поленья, что дверца не закрывалась. По полену любопытный огонь выползал наружу и тянул к потолку тонкую дымную руку. Поленья постреливали рыжими, скоро гаснущими искрами.

Реальность двоилась, печной смолистый дым висел под потолком, едва соглашаясь скользить в открытую форточку, и иллюзия никак не могла договориться с правдой, кто из них настоящий. Антигон пыхтел рядом, что-то бормотал. Изредка подходил и совал Багрову то чашку с кофе, то бутерброд, радушно желая «приятно подавиться!» и «скверного аппетита!».

Матвей разрывался на части. Он почти ненавидел волчицу, забравшую у него Ирку, но одновременно страшился ее лишиться. Волчица была единственным мостиком, соединявшим его с Ирккой. В глазах волчицы он видел порой не зверину, а напряженную человеческую мысль. В такие минуты Матвей ясно осознавал, что волчица не вытеснила Ирку окончательно, а лишь отняла у нее тело. В остальном же они независимо существуют на разных уровнях – волчица на нижнем этаже, этаже плоти, Ирка же там, где плоть не властна и куда не простираются ее простые, как удар дубиной, интересы.

Матвею казалось, что если очень близко поднести ухо ко лбу волчицы, то можно услышать, о чем думает Ирка. Однажды он так и сделал и после долго, морщась, мазал ухо йодом. Волчице не понравилась чрезмерная интимность, и она прищелкнула его зубами, точно ком-постером.

«Колючки, так и быть, выбирай, а ушами хлопай в другом месте!» – очень ясно было сказано Багрову.

С аллеи донеслось рычание и резкий, как удар хлыста, щелчок поводком по мощной спине:

– Стоять! Ко мне!

К Ирке рвался широкогрудый мастиф. В ошейник ему вцепился мужчина в спортивном костюме. Толстые стекла очков мешали ему отличить волчицу от собаки. Волчица выдвинулась навстречу мастифу. Она не рычала, но, припав на передние лапы, оскалилась. Взгляд четко был устремлен псу на горло. Уши поджаты. Хвост, прямой как полено, почти коснулся земли.

– Фу! Назад! Фу! – грозно крикнул Багров, натягивая поводок.

Ему странно было разговаривать так с любимой девушкой. Беда была в том, что другого языка любимая девушка сейчас не понимала.

Спортивному костюму удалось наконец обмотать поводок вокруг дерева и остановить своего пса.

– Парень! У тебя кто? Кобель? – крикнул он.

Багрову захотелось его придушить.

– У меня девочка! – угрюмо ответил он.

Очки-лупы усомнились.

– А вот брехать не надо! Мой только на кобелей кидается!

Когда мастиф с хозяином удалился, за спиной у Багрова кто-то засмеялся. Матвей обернулся и увидел Бэтлу. Валькирия сонного копыа сковыривала ногтем смолу с сосны и отправляла ее в рот. Рядом стоял оруженосец, гоня травинку из одного края губ в другой. Матвей заметил: упитанные люди вечно должны что-то жевать. Хотя бы спичку или ноготь. Без этого жизнь представляется им неполной.

– Чем не практическое пособие о вреде поцелуев? Целуешь лягушку – получается царевна. Целуешь валькирию – и прогуливаешь волчицу на резинке от трусов, – сказала Бэтла своему оруженосцу.

Голос у нее был полуденно радостный и июльски довольный жизнью.

– Это не резинка от трусов, а парашютная стропа!

Багрову было не смешно. Чувство юмора вообще факультативно. Шаг вправо – юмор заваливает в тупое ржание. Шаг влево – в ехидство. Во все же действительно важные моменты жизни юмор начисто пропадает. Когда тебя везут на операцию – не хочется шутить про докторов, забывших внутри скальпель.

– Вы бы тоже превратились в волчицу, хозяйка, если бы я вас поцеловал? – заинтересовался оруженосец.

– Боюсь, я превратилась бы в бегемота! Хотя ты и так сделал меня бегемотом, безо всяких чмоков, – полушутя-полусерьезно ответила Бэтла. – Все! Пора прекращать трескать самой и начинать кормить других!

Она присела на корточки и, протянув руку, предложила волчице колбасу. Волчица сперва сделала вид, что ей неинтересно, но внезапно метнулась вперед и, натянув парашютную стропу, срезала зубами палку колбасы у самых пальцев Бэтлы.

Валькирия сонного копья озабоченно оглядела руку.

– Странные они, эти волки! Вроде даешь им по-хорошему, а они все равно не верят и лезут отнимать. Прямо как некоторые люди! – сказала она.

Выпрямилась, посмотрела на Багрова и с интересом спросила:

– Что у тебя под глазом?

Матвей скользнул рукой по лицу. Поморщился.

– Где? А-а, это! Таамаг заходила посмотреть, как мы живем, – вспомнил он.

Оруженосец Бэтлы сочувственно ухмыльнулся:

– И как вы живете? Нормуль?

Багров вновь потрогал под глазом.

– Хорошо живем. Лучше, конечно, бывает, но редко, – сказал он.

Оруженосец со знанием дела оглядел фонарь. Он стараниями Таамаг получился узкий, похожий на гантель, с двумя округлениями – одним у переносицы и другим, желтоватым, с заходом на скулу.

– Это она, жалея, в треть силы. Кулак у тети тяжелый. Могла бы вообще скулу в черепушку вмять! – ободряюще заметил он.

Багров пожал плечами. Обиды на Таамаг у него не было. Он вообще не ощущал ничего, кроме усталости. Все чувства у него были перекручены, точно кто-то взял много кусков пластика и смешал их в нечто лишнее формы и цвета.

– Томка очень переживает. Она ее полюбила. Ей вообще-то трудно кого-то полюбить, она недоверчивая, но когда полюбит – это все, – сказала Бэтла, с жалостью наблюдая, как волчица терзает колбасу и, вскидывая морду, заглатывает ее крупными кусками.

– Так мне и надо, – произнес Багров. В тот день он, признаться, даже жалел, что Таамаг его не убила.

Бэтла протянула руку и осторожно коснулась блестящей шерсти волчицы:

– Расскажи мне о ней. Как она вообще?

– Лучше не бывает. Нос холодный и влажный, – ответил Матвей.

Он уже не рад был, что валькирия сонного копья заскочила к нему, хотя недавно страдал от одиночества. Антигон в счет не шел. Он по большей части ворчал и подсаживал слезами кофе. Слезы же у кикимора были уникальные. Пахло от них тиной и болотом, да не простым болотом, а правильным, северным, с кислинкой и ржавинкой.

Бэтла приподняла брови.

– Издеваешься? – уточнила она.

– Если бы! Днем она зарывает кости и пугает велосипедистов. Вечером выкусывает блох. В драки без повода не влезает, но, когда влезет, мне приходится смываться, чтобы хозяева псов, которых она порвала, нас не убили, – безнадежно сказал Багров.

Валькирия сонного копья внимательно посмотрела на него и внезапно пнула подъемом стопы в голень. Не сильно, но больно. Багров воззрился на нее с недоумением. От Бэтлы он такого не ожидал.

– За что?

– А за то, что сам себя жалеешь! А кто себя жалеет, тот не человек, а дохлятина!.. Ясно?

Багров молча тер отшибленную голень. Обычно сонная, Бэтла выглядела окончательно проснувшейся. Даже глаза ее, всегда полужакрытые, утопавшие в подушках щек, стали больше и шире.

– Ты считаешь, что любишь, – продолжала она с напором. – Но что такое «любить» – не знаешь и сам. Можешь ли ты честно сказать, что не ищешь своих удовольствий? Не раздражаешься, готов принимать человека и в болезни, и в дурном настроении, готов бесконечно терпеть? Прощать несовершенство, ошибки, недостатки? Некрасивость, появляющиеся морщины, портящиеся постепенно зубы? Всегда отдавать, ничего не получая взамен? Любовь – это бесконечные мелкие жертвы. Крупные жертвы от тебя будут требовать редко, а вот мелкие – каждую секунду. И если ты к ним не готов, не готов и к любви. Назови свое чувство как-нибудь иначе и не пачкай хорошего слова. Оно и так сейчас испачкано вконец.

– Хватит мне извилины полоскать! Сложно все как-то! – с досадой сказал Матвей.

Он прикинул, что если каждая валькирия навестит его хотя бы по разу, чтобы поговорить про любовь и человечность, то конец недели он встретит в гипсе.

– Если тебе сложно, то валькирия-одиночка не для тебя! Найди себе губастую вешалку для дамского белья и всю жизнь объясняй ей, что слово «мозги» не пишется через «а». Когда объяснишь – выкинь эту вешалку как слишком умную и найди другую, которая даже и читать не умеет. Ее можно будет обучать вдвое дольше! А губы в другой раз не распускай! Захочется поцеловать валькирию – возьми в рот носок и пожуй! Всякую романтику убивает навывлет... Отжимания и холодный душ тоже могут помочь, – последнее Бэтла посоветовала смягчившимся голосом.

Багров почувствовал это и улыбнулся.

– Душ у нас не предусмотрен. Разве что из ведра обливаться, – заметил он.

– Из ведра даже лучше! И вообще, мой тебе совет: не верь своему телу! Его чувствам, инстинктам, желаниям, лени, голоду, усталости. Тело – это ленивая, сонная, бестолковая, тормозящая и предательская дрянь! Все, что оно говорит и желает, – ложь. Возьми его за горло, или оно возьмет за горло тебя. И, взяв, не пожалеет. И не думай, что ты первый наступаешь на эти грабли. Каждая валькирия и каждый оруженосец когда-нибудь сталкивались с чем-то подобным.

Бэтла сказала это с болью, кривясь ртом, будто отдирала прилипший к ране старый пластырь.

– Что? Все? – усомнился Матвей.

– Поверь: *каждый икаждая!* Просто вникни раз и навсегда, что любая романтика поцелуйного слюнообмена не для тебя. Прогулки под луной тоже, если, конечно, ты не крадешься снимать часового. Отруби даже саму мысль о личном счастье! Если уж закрывать двери, то крепко и навсегда, не оставляя щелей. Тут что-нибудь одно: или служить свету или курить бамбук. Ясно?

Матвей не то кивнул, не то дернул головой. Разумом он готов был это принять, а сердцем нет. Когда же сердце не готово усвоить истину, разум может зудеть сколько угодно. Его не слышат.

– Глупо все. Она же искренно служила свету! Увлеклась самую малость, и то по моей вине. И теперь вот бегают, кости зарывает – за что? Неужели заслужила? Нечестно, – сказал Багров с обидой.

Бэтла протянула руку и без церемоний постучала костяшками по его лбу.

– Неправильно мыслишь! Будь она просто девушка с улицы и продавай в магазине зонтики – ничего бы не случилось. Целуйся сколько хочешь и только передние зубы не сломай. Но она взяла копье света, и ее ответственность сразу возросла в тысячи раз. То, что для твоей совести пылинки, для ее совести – валун. То, что для тебя глупая ошибка, – для нее преступление. Она – валькирия-одиночка!

Багров оглянулся на волчицу. Та терзала колбасу, заглатывая непрожеванные куски. Собственная уникальность, похоже, мало ее заботила. Бэтла сидела на корточках и, разглядывая волчицу, о чем-то думала.

– Когда я училась в шестом классе, мы пошли в поход, – вспомнила она. – Каждый пер свои вещи и какую-то часть общих. Мальчишки тащили самое тяжелое – котел и две здоровенные палатки. У меня же в рюкзаке лежала часть общей еды. Как сейчас помню: плавленые сырки, две буханки «Бородинского» и пакета три шоколадных конфет... Это было невыносимо: нести и не иметь право ничего съесть! Я мучилась, потела, терзалась, как никогда в жизни. Точно в масле меня варили. Под конец я умоляла, чтобы мне дали нести котел, или палатки, или лопату, – только бы отобрали эти проклятые конфеты. А Томка, например, запросто смогла бы нести рюкзак, полный еды, а вот на хорошие боксерские перчатки, капы и шлем у нее не хватило бы беспристрастия – жабеныш бы задушил.

Багров, недоумевая, посмотрел на нее.

– Ты это к чему? – спросил он.

– К тому, что каждый борется со своими тараканами. Я потом часто вспоминала этот случай, когда мне было тяжело. Кому свет может доверить свою силу, как не тем, кто способен ограничить себя и не стать жертвой этой силы? Все другие ненадежны. Понял?

– Я тупой, – буркнул Багров, которому в данном случае невыгодно было проявлять себя понятливым.

Оруженосец Бэтлы хлопнул его по спине. Вроде как дружелюбно, но одновременно и с предупреждением.

– Я тоже тупой, и поэтому представляю себе все просто. В магазин любишь ходить? Замечал: если просто отвертку покупаешь – служит долго. А если решишь выпендриться и купишь что-то комбинированное, скажем, отвертку с фонарем и плоскогубцами – через два дня окажется на помойке. Так и люди. Пока ты просто молоток – ты служишь. Но как только захочешь быть одновременно шилом или миксером – ты труп.

«И этот зануда! Спелись!» – подумал Багров.

Их слова сверлили Матвею мозг. Как бы ему хотелось, чтобы Ирка стала его собственностью, чтобы не делить ее со светом. Но, увы, это было невозможно. Чем больше он пытался выгрызть ее для себя, тем сильнее все портил. Последнее же время ощущал себя Иванушкой-дурачком, только что спалившим лягушачью шкурку Василисы, а заодно ее гражданский паспорт и трудовую книжку.

– Я бы не сказал, что ты так уж усердно служишь свету! Бродишь по городу, деревья рассматриваешь, на тучки зеваешь. Ну размажешь порой комиссионера-другого, только и всего, – сказал он, желая кольнуть Бэтлу.

– Когда тебе больно, пни кого-нибудь – появится компания, с кем поплакать, – сквозь зубы проворчал оруженосец.

– Не злись! – сказала Бэтла.

Деловито распахнув на оруженосце куртку, она движением спецназовца выдернула из подмышечной кобуры бутерброд с сыром, завернутый в пленку. Посмотрела на него и крупно

куснула, отпечатав на сыре полную карту верхних зубов. К своему оруженосцу валькирия сонного копья относилась собственнически, как молодая мамаша к четырехлетнему бутузу. Если бы тот вдруг заявил, что у него есть собственный карман, куда она не имеет права залезать, она не поняла бы юмора.

– Понимаешь, Багров, какая штука! Я-то, может, и шатаюсь. Толстая, ленивая... И цена таким, как я, три дюжины за пятак. Но все-таки служу-то каждый день и комиссионеров грохаю каждый день, если подвернутся, – сказала она без обиды.

– И чего?

– И ничего. Ключевое слово тут не горячность, а постоянство. С новым знакомым, которого через неделю и близко не будет, церемонимся, трясемся, чтобы его не обидеть, а на родственников и старых друзей орем. А почему? Потому что привыкли к ним. А служение-то свету годами и десятилетиями длится. Трудно начальный трепет сохранить. Лучше уж сразу запрограммировать себя на ровное, размеренное и спокойное служение, чем вначале истерическая страсть, а потом откровенная халтура.

Матвей присел и высвободил парашютную стропу, обвившую волчице лапу.

– Еще она таскает в зубах сумку. Спит с ней, никому не дает. Рычит. Антигону ласт прокусила, когда он пытался ее подвинуть, – сказал он.

Услышав о сумке, Бэтла насторожилась.

– Какая сумка? От ноутбука? – уточнила она.

– Ага.

Валькирия сонного копья просияла.

– Вот видишь! Какой-то прогресс все же есть!

Белая волчица успела умять колбасу и, повернув голову, внимательно разглядывала оруженосца Бэтлы. Чуткий нюх донес ей, что под пиджаком у него много чего вкусного.

– Вот уж кого животные любят! – сказала Бэтла ехидно. – Завидую Алешке каленой белой завистью! Пока до дому дойдет, с десятков собак к нему прицепятся. А он их даже и не приманивает! Только швыряет в них ветчиной и кусками сыра, чтобы отвалили.

Так Багров впервые узнал, что оруженосца Бэтлы зовут Алексей.

– Белой зависти и свежей дохлятины не бывает. Это я как профи говорю, – сказал Матвей.

– Как профи по зависти или по дохлятине? – коварно уточнила Бэтла.

Багров не стал разграничивать.

– По тому и другому, – авторитетно заверил он.

Видя, что волчица застоялась и тянет его, Матвей перешел на бег. Ходить спокойно, когда у тебя на поводке волчица, не получается. Ирка бежала через подлесок, незаметно, но упорно убыстряясь. В столбах пробивавшегося сверху солнца плясали широкие листья молодых кленов. В толпу берез забредали желтоватые, с рыжиной, сосны и корявые дубы, похожие на сыроватых старцев.

Всякий раз, покорно догоняя волчицу, Матвей думал, что тут действует универсальный закон любви: уступай и будешь мудр. В любви кто-то всегда должен пойти навстречу. Иначе даже на бытовом уровне будет тупик. Один скажет: «Я – направо!» и пойдет направо. Другой скажет: «Всего хорошего! А я прямо!» и пойдет прямо. Чтобы остаться и продолжать прогулку вместе, кто-то должен прищемить дверью свое «я». В идеале, конечно, уступают по очереди, но этот идеал на практике нереализуем. Обычно уступает самый умный или великодушный, что, в принципе, одно и то же.

Всякий раз, увидев сломанное или накрененное дерево, Ирка изменяла направление и специально тянула туда, чтобы проскользнуть под стволом, поставив поводыря в дурацкое положение. Пролезать – не пролезешь: щель узкая. Сверху ветви мешают, да и поводок нужно перебросить, не то запутается. Хитрый зверь, разумеется, ждет этой минуты и непременно дернет, чтобы вырваться и долго дразнить Багрова, мелькая в кустарнике.

Все же Матвей привык к проделкам волчицы и со всеми препятствиями ухитрялся бежать быстрее, чем Бэтла и ее спутник. Пыхтящая валькирия и оруженосец едва за ними поспевали. Лица краснели созревшим помидором и просились в салат.

– Приормози ее! – взмолилась наконец Бэтла.

Матвей потянул за стропу. Волчица неохотно остановилась и вопросительно оглянулась, точно спрашивала: ну что еще? Кого ждем?

– Как-то неважно ты бегаешь для хорошего бойца, – заметил Матвей.

– Свет ни за кем не бегают! Пускай за нами все бегают! – вытирая пот, назидательно сказала Бэтла.

Оруженосец услужливо сунул ей сок с трубочкой, сам же стал пить квас, обнаружившийся в его обширном продуктовом патронташе. Мужчина он был дюжий. Бутылку в полтора литра вытянул взсос, не отрывая от губ и не давая ей затянуть воздуха. Бутылка пластиково похрюкивала, пищала и сжималась на глазах.

– Тухло, что с Ирккой все так. Бывают паршивые состояния, когда и для души плохо, и для работы. Ее копьё пригодилось бы нам в ближайшее время. Даже не столько копьё, сколько прочие таланты одиночки, – сказала Бэтла.

Матвей насторожился, перестав наблюдать за тем, что происходит с бутылкой. Примерно в то же время оруженосец оставил бутылку в покое, и она, с треском расправившись, набрала воздух.

– Что-то случилось?

– Да. У света похищена свирель Пана. Серьезное наступательное оружие. Бонусы против драконов. Это если играть с одного конца. Если же с другого, то возможность серийных сглазов минометными боеприпасами, – ответила Бэтла.

– Что, серьезно?

Оруженосец неосторожно хихикнул, чем выдал хозяйку.

– Шутка! Хотя не совсем. Все наши на вокзале, – заметила Бэтла.

– На каком вокзале? – не понял Багров.

– Ясно на каком. На Казанском. Стоят в суточную кассу. Обилечиваются.

– Зачем?

Бэтла замялась.

– Не уверена, что могу тебе сказать. Это секрет Фулоны. Хотя, раз его знают Гелата и Ильяга, скоро он станет секретом общего пользования... Так что потерпи чуток.

Матвей кивнул.

– Ну хорошо. А куда билеты, сказать можешь?

В этом Бэтла секрета не видела.

– До Мухтолова.

– Э-э? А что в этом Мухтолове?

– Там река Сережа, – загадочно ответила Бэтла.

Багров, никогда не слышавший ни о Мухтолове, ни о реке с человеческим именем, недоверчиво скривился.

– У реки не может быть такого названия!

Бэтла моментально сунула ему красную ладонь.

– Тебе лучше знать! Спорим на вареный мизинец! – с ходу предложила она.

– Как это на «вареный мизинец»?

– Узнаешь, когда поспоришь!.. Леха, разбивай! Я поймала его клешню!

Багров поспешно выдернул ладонь и спрятал руку за спину.

– Ладно-ладно! Сережа так Сережа, – сказал он. – Все равно странноватое название.

Убедившись, что ей поверили, Бэтла успокоилась.

– Есть маленько! Я и сама сегодня его в первый раз услышала. Все-таки роскошь иметь страну, в которой не знаешь восемь рек из десяти и девяносто процентов озер, – сказала она миролюбиво.

– Как бы за эту роскошь не получить по шапке, – буркнул осторожный Алексей.

– Когда вы уезжаете? – уточнил Багров.

Бэтла исторгла вздох. Ощущалось, что ей никуда особенно и не хочется. Москва – великий магнит, а магнит неохотно отпускает прилипшие к нему гвозди.

– Сегодня вечерним поездом. Я же сказала: в суточную кассу. Надо только байдарки напрокат взять, но это Ламине поручили.

– Как-то я не доверяю Ламине! – озабоченно заявил оруженосец. – Сейчас ничего толкового и не возьмешь: все в походы рванули. Двухек и трешек точно может не оказаться... Надо было Таамаг отправить. Она бы байдарки выбила!

– Ага. Вместе с зубами. Томка когда просит, вначале распускает руки, а потом вспоминает, что забыла сказать «пожалуйста!», – хмыкнула Бэтла.

Волчица, нетерпеливо бегавшая вокруг Багрова, обмотала ему поводком ноги. Обнаружив, что он этого не заметил, она с силой дернула и, когда Матвей рухнул, сочувственно высунула язык.

– Вечно я на это попадаюсь! И ведь не в первый раз! – морщась, сказал Багров.

Высвободив ноги, он встал и, ослабив поводок, вновь позволил белой волчице рвануть с места и скрыться в подлеске. На сей раз валькирия сонного копья и Алексей за ними не последовали.

– Если что – я с тобой свяжусь! Запомни: Мухтолово! Река Сережа! – крикнула ему вслед Бэтла.

Глава 4

Про нелзей и лзей

Когда бываешь в сомнительных местах – вцепись в сумку обеими руками и держи ее перед животом. Если же место не выглядит сомнительным, сумку лучше вообще с собой не брать.

Улита

Мошкин, Чимоданов и Ната вынырнули из переулка, оглушенные царящим там треском отбойных молотков. Москва, эта беспокойная молодящаяся старушка, вечно сверлилась, чинилась, достраивалась и наводила марафет, уже который год заставляя всех своих жителей находиться в состоянии вечного ремонта.

Всю дорогу к резиденции мрака Ната пребывала в хорошем настроении. Чуть ли не впервые в жизни рассказывала о своих родственниках и называла тетю Свету – «тетя Цвета». Затем купила у какой-то бабульки перезревшие вишни, мгновенно окрасив губы и зубы в вампирствующий цвет.

Большая Дмитровка встретила их каленым солнцем. Была та предвечерняя пора летнего дня, когда город внезапно высветляется и кажется остановившимся и неестественным. Раскалившиеся стены домов дышали жаром. По асфальту, обгоняя застрявшие в пробке машины, неторопливо катилась скомканная газета. На месте знакомого дома возвышалось теперь нечто скромно-респектабельное. Подчеркнуто и намеренно никакое. Такими бывают неброские офисы крутых западных фирм, избегающих назойливой рекламы и работающих под девизом: все, кто надо, о нас и так знают.

На небольшой вывеске (настоящее золото, хитро маскирующееся под обветренную медь) значилось одно-единственное слово:

EIDOS

И чуть ниже:

Московское представительство.

– Надо же! Никакой строительной сетки! – озадаченно сказал Мошкин.

Он так привык к ней, страшной, потемневшей, с взлетающими от ветра бородами грязи и тополиного пуха, что без сетки дом казался ему не одетым и чуть ли не неприлично голым.

– Только что заметил? – поинтересовалась Вихрова.

Десятка два зеркальных, до блеска отмытых окон безлико таращились на Большую Дмитровку. К одному из них Чимоданов прильнул лицом, надеясь углядеть, что внутри, но не увидел ничего, кроме собственных безумных зрачков. Затемненное стекло запотело от дыхания.

Чимоданов углядел у двери кнопку и клюнул ее пальцем. Раз, другой, третий. Никакого эффекта. Ната, никогда не имевшая терпения, потеряла то небольшое благоразумие, которое его заменяло.

– Ты будешь звонить или нет? – накинулась она на Чимоданова.

– Я и так звоню! – огрызнулся тот.

– Громче звони!

– Громче нелзя!

– Нечего мне рассказывать про нельзей и льзей! – огрызнулась Ната.

Подумав, Чимоданов что-то шепнул Зудуке, раскрутил его за ногу и запустил в крайнее левое окно на втором этаже, где прежде, в старой резиденции, располагалась его комната. Метнув Зудуку, он присел, ожидая звона стекла и осыпавшихся осколков, однако ничего не произошло. Стекло, чавкнув, расступилось и, поглотив Зудуку, сомкнулось за ним, как поверхность болота.

Более того, на краткий миг весь дом с его темными окнами, сероватым облицовочным камнем и пластиковым водостоком зримо смялся, как огромный кусок глины, и ухмыльнулся, провиснув карнизом. По дому пробежала рябь, затронувшая даже асфальт у их ног, и все стало, как прежде – солидно и офисно. Белое солнце, спрятавшись за соседними крышами, дышало блинным жаром. Пыхтели бензиновыми легкими и обмахивались веерами вентиляторов сгрудившиеся в пробке автомобили.

Не доверяя себе, Мошкин уставился на Нату, а та на Чимоданова. Сомнений не оставалось – все трое видели одно и то же. Это прежде, до сноса, по Большой Дмитровке, 13, помещался честный дом с фундаментом, стенами и балками. Теперь же, втиснувшись между соседствующими строениями, перед ними, точно надутый мыльный пузырь, затаилось живое глумящееся и мыслящее существо, чем-то родственное, возможно, комиссионерам и суккубам. Хорошенькую резиденцию приготовил добрый дяденька Лигул для России!

– Может, нам туда не надо, а? – дрожа, спросил Мошкин.

– Как не надо? А Зудука? Я за своего Зудуку весь мрак порву! – вознегодовал Чимоданов.

Если прежде он надеялся, что Зудука прокрадется по лестнице и откроет, то теперь эта надежда стала призрачной. Он метнулся к двери и, не жалея кулаков и ног, стал барабанить.

– Это чего? Не пускают нас? А если мне хочется мерзости творить? – облизывая губы, поинтересовалась Ната.

Дверь, до того упрямо закрытая, скрипнула и гостеприимно поддалась. Весь дом радостно чавкнул и раскрылся, точно устрица. Вихрова отпрянула, как кошка, которой брызнули в нос из пульверизатора.

– Ну вот! Надо было только правильное слово сказать! – просипел Чимоданов.

На пороге стоял Ромасюсик. За его спиной Тухломон держал за ворот Зудуку. Лицо у Тухломона было деловитое. Бывших сотрудников он не узнавал в упор.

– Че надо? Милостыни не подаем! – заявил он нагло.

Ромасюсик расплылся и обдал всех симпатией такой приторной и ненастоящей, что даже толстокожий Чимоданов ощутил себя перемазанным прокисшим вареньем. Чуткому Мошкину внезапно стал ясен секрет Ромасюсика – причина, почему он стал верным слугой мрака и «рупором» Прасковьи. В привычном варианте ложь стоит на правде и осознает себя ложью, что делает ее наглоглазой, легко смущающейся и уязвимой. В Ромасюсике же ложь громоздилась на лжи и ложью же цементировалась, выстраивая гигантскую пирамиду. До правды докопаться было нереально, поскольку во всей этой пирамиде ее не было вовсе. Куда ни ткни – все мыльный пузырь. Обычно только женщина способна верить своей лжи до конца, создавая в своем роде новую реальность. Мужчине же чаще всего для этого не хватает воображения.

Однако Ромасюсик перешеголял и опередил любую женщину. Даже Прасковья могла при невероятном стечении обстоятельств измениться к лучшему, круто повернув свою жизнь. Личность она была хоть и своевольная, но цельная, а упрямства хватило бы на целую дивизию казаков-пластунов. Ромасюсик же, дряблый, хитрый, злорадный и вечно врущий, измениться не мог в принципе. В этом смысле для Лигула он был куда надежнее Тухломона.

Сводя вместе эту парочку – Прасковью и Ромасюсика, Лигул, разумеется, хорошо понимал природу зла и его иерархию. Во главе всякого злого начинания в человеческом мире стоит обычно талантливый, падший, несчастный и изломанный человек, служащий вольно или невольно орудием мрака. Его же окружают уже совершеннейшие подонки, спасаясь от которых

люди поневоле начинают искать заступничества и идеализировать того первого – падшего и изломанного. И вот от зла они бегут за защитой к злу.

– От лица Прашечки сообщаю, что рад вас видеть! – официально сообщил Ромасюсик.

– А твое лицо куда делось? – спросил Чимоданов.

Ромасюсик повернулся к Тухломону.

– Ты моего лица не видел? – спросил он.

Тухломоша осторожно хихикнул и поспешил поклясться суккубом Хныком, что ничего не видел и ничего не брал. Наклонившись, он поставил Зудуку на пол и отряхнул пальчики.

– Забэрите ваш прэдмэт! – высокомерно сказал он Чимоданову.

– Почему так долго не открывали? – спросила Ната.

Ромасюсик и Тухломон посмотрели друг на друга как два сиамских близнеца, которых спросили, кто родился первым.

– Зигги Пуфс был занят! – произнесли они почти одновременно.

Ромасюсик больше приударил голосом на «Зигги», а Тухломоша на «Пуфса». В остальном же фраза совпала на все сто.

– А Прасковья?

– Праша встречается с ценным сотрудником!

В голосе Ромасюсика показалась затаенная подлянка. Поскреблась ласковой лапкой, сделала скромное «ку-ку!» и скрылась.

Тухломон отодвинулся, пропуская Нату, Чимоданова и Мошкина в резиденцию. Внутри каждый повел себя в полном согласии со свойствами натуры. Евгеша скромно потупился. Чимоданов принялся нагленько и задиристо зыркать. Ната, покачивая бедрами, выпятила грудь и выдала лицом такую сложную серию атакующих гримас, что ее физиономия смялась, как резиновая.

Они стояли в просторном помещении, похожем на клиентский зал преуспевающего банка. Всюду темный, с желтоватой жилкой мрамор. На стенах – множество служебных инструкций. Большинство на латыни, все в новых пластиковых рамках. Пара-тройка высоких столов для написания отчетов. У каждого поблескивает новый одноногий табурет с сиденьем мягким, круглым и выпуклым, как шляпка гриба. В остальном же ничего лишнего. Царство не теории, но практики.

К приемным окнам течет жидкая очередь, совсем короткая, на пару минут. Суккубы и комиссионеры стоят отдельно, что уменьшает число свар. Все тихие, тревожно держат в потных ладошках пакетики с эйдосами. Чимоданов удивленно фыркнул и воззрился на Нату. Уж ему-то эта публика была знакома. Он привык к шуму, гаму, крикам, необходимости хвататься за топор, ругаться, спорить, а тут просто пансион для благородных девиц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.